

18+

Адольф Белло

Королева красоты

Серия «Мир
детектива: Франция»

Адольф Бело

**Королева красоты. Серия
«Мир детектива: Франция»**

«Издательские решения»

Бело А.

Королева красоты. Серия «Мир детектива: Франция» / А. Бело —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-590158-3

В Париже взрывают русского князя. В убийстве обвиняют простого парижанина, который случайно оказался на месте преступления, малоизвестного изобретателя новых взрывчатых веществ. А защищать его берется единственная дочь, которую за ее необыкновенную внешность прозвали Королевой красоты. Эта необыкновенная красота поможет в оправдании отца или, наоборот будет мешать. Увлекательная диалогия романов популярного французского писателя Адольфа Бело.

ISBN 978-5-00-590158-3

© Бело А.

© Издательские решения

Содержание

СЕРИЯ «МИР ДЕТЕКТИВА: ФРАНЦИЯ»	6
Королева Красоты	7
Глава I	7
Глава II	9
Глава III	12
Глава IV	14
Глава V	15
Глава VI	16
Глава VII	18
Глава VIII	20
Глава IX	22
Глава X	23
Глава XI	25
Глава XII	28
Глава XIII	30
Глава XIV	32
Глава XV	34
Глава XVI	36
Глава XVII	38
Глава XVIII	40
Глава XIX	42
Глава XX	43
Глава XXI	45
Глава XXII	47
Глава XXIII	48
Глава XXIV	50
Глава XXV	52
Глава XXVI	53
Глава XXVII	55
Глава XXVIII	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Королева красоты Серия «Мир детектива: Франция»

Адольф Бело

Переводчик А. Владимирович

Дизайнер обложки Иван Ферапонтов

© Адольф Бело, 2022

© А. Владимирович, перевод, 2022

© Иван Ферапонтов, дизайн обложки, 2022

ISBN 978-5-0059-0158-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СЕРИЯ «МИР ДЕТЕКТИВА: ФРАНЦИЯ»

Мари Ж. Ошибка доктора Маделора
Лабурьер Т. Черная банда
Фере О. Запутанное дело
Габорио Э. Адская жизнь
Декурсель П. Сын тайны или два ребенка

Серия «Мир детектива: Россия»

Хрущов-Сокольников Г. Джек – таинственный убийца: большой роман из англо-русской жизни
Александров В. Медуза
Панов С. Убийство в деревне Медведице. Полное собрание сочинений С. Панова
Гейнце Н. Под гипнозом
Ракшанин Н. Загадка Кузнецкого моста
Хрущов-Сокольников Г. Рубцов
Пономарев И. Русский Лекок

Королева Красоты

Глава I

– Князь Орсилов спрашивает господина барона, может ли он принять его?

– Князь Орсилов? Вы не ошиблись?

– Никак нет, господин барон, я прекрасно слышу.

– Просите.

Камердинер исчез. Через несколько минут в кабинет барона де Мерье вошел высокий статный мужчина лет сорока. Ответив легким движением головы на приветливый поклон хозяйина, гость тотчас же опустился в предложенное ему кресло и, устремив на барона несколько строгий, почти жесткий взгляд, сказал:

– Вы, вероятно, не знаете меня?

– Прошу прощения, князь, конечно знаю, немного... имя и репутация, впрочем, как и большинство парижан.

– Для меня большая честь познакомиться с вами поближе. Ну а я знаю вас лучше, во всех отношениях, физическом, интеллектуальном и моральном.

– Правда?

– Я докажу вам, что говорю правду, если только позволите мне быть откровенным.

– Я не вижу причин отказать вам в этом, – и барон подвинулся к гостю как бы давая знать, что готов выслушать его с большим вниманием, очень заинтригованный, возможно, слегка обеспокоенный, но тем не менее, настоящее воплощение спокойствия.

– Барон, – начал гость очень спокойно, – вам тридцать лет от роду, и в Париже, где одни прошли, чтобы общество ни говорило, вы сияете ярким светом.

Барон холодно улыбнулся, но ничего не сказал.

– Вы обязаны вашей известностью не столько роскоши, которой умеете окружить себя, сколько некоторым качествам. Молодые люди знают вас как прекрасного игрока в карты, замечательного наездника и человека умеющего стрелять и ловко драться на шпагах, услужливого, милого, весёлого. Женщины, особенно те, которые не боятся скомпрометировать себя, хвастают вашей щедростью, вашим великодушием, и говорят, что вы идеальный представитель когорты молодых людей, выступающих в амплуа покорителя женских сердец.

Барон де Мерье улыбнулся, но снова промолчал.

Не обращая внимания на эту улыбку, как всегда сухую и холодную, как у дотошного историка, который приводит факты, не позволяя себе высказывать о них свои суждения, а просто читает доклад, не проявляя эмоций, князь Орсилов продолжил:

– Многие из ваших прежних фавориток из мира артистического или дам полусвета, которых вы оставили, оплакивают разлуку с вами самыми горькими слезами. Говорят даже, что одна молоденькая девушка от любви к вам покончила жизнь самоубийством.

– Милостивый государь, – прервал его барон, но его голос, впрочем, не выдавал ни малейшего волнения, – избавьте меня от этих грустных воспоминаний!

– Да!.. я хотел, чтобы мой рассказ был полным, и привожу факт, который известен всему Парижу... но продолжу. Мне кажется, что с глазу на глаз, вы способны очаровать любого собеседника. Вам верят, безусловно, слушая вас, увлекаются до самозабвения и бывают правы... Никто не умеет так оправдывать доверие своих любовниц. Вы даете более чем обещаете, и говорят, даже самые холодные женщины тают перед вами. «Он способен разбудить даже мертвую», – выразилась недавно о вас милая миссис Х., которую называли до этого «ледышкой».

- Она преувеличивает, и вы преувеличиваете, – заметил барон, подкручивая усы.
- Я не преувеличиваю, а говорю только правду... У меня есть на это свои причины.
- Какие же?
- Очень важные, если позволите, еще несколько секунд вашего терпения.

Князь вынул из бумажника дорогую русскую сигару и, закурив ее, продолжил:

– По мере того, как растет ваша слава, уменьшается состояние. Скоро у вас ничего не останется. Другой бы на вашем месте сказал себе: «Я еще молод, здоровье мое в самом цветущем состоянии. Я имею хорошее общественное положение, до безумия любим женщинами, которые считают за счастье стать моими покровительницами, поэтому надо снова скопить состояние и сделаться гораздо богаче, чем я был до этого». До сих пор вы жили только для того, чтобы любить только изредка и чаще быть любимым, не знали другой жизни, но для того, чтобы поправить свое состояние, выплатить долги, и снова вести прежний образ жизни, нужно либо научиться работать, либо рассчитывать на счастливый случай.

– На какой же именно? – прервал барон.

– На одну сделку со мной, которая даст нам возможность разделить пополам «скромную» цифру в пятьдесят миллионов.

Глава II

До сих пор барон де Мерье слушал гостя скорее с любопытством, чем с интересом. Он удивлялся, откуда этот чужестранец, этот русский вельможа мог получить информацию о нем, узнать о положении его дел, но фраза: «разделить пятьдесят миллионов», произнесенная человеком пожилым и серьезным, заинтересовала его в высшей степени. Отлично владея собой и не выдавая впечатления, произведенного словами гостя, барон сказал холодно и спокойно:

– Давайте посмотрим, о какой сделке вы говорите.

– Я все объясню, но позвольте, мне прежде спросить, не приходила ли вам когда-нибудь мысль поправить свое состояние выгодной женитьбой.

– Да, признаюсь, я думал об этом.

– Вы искали подходящую партию?

– Возможно.

– И вы не нашли?

– Нет, как видите, я до сих пор не женат.

– Дело в том, что вы, должно быть, ошибались.

– Вы думаете?

– Это потому, что вы искали невесту среди молодых девушек.

– Ну?

– У молодой девушки нет достаточных оснований для того, чтобы выйти за вас замуж.

Во-первых, они вас мало знают. Вы довольно красивый молодой человек, соглашусь с этим, но в вас нет ничего необычного. Не все в восторге от вас, вы уже не поражаете воображение, как в молодости. Что касается вашей славы, то она не доходит до молодых девушек. Они невинны, и у них мало опыта, это не позволит им в должной мере оценить ваши достоинства... После свадьбы – об этом я не говорю – жена может боготворить вас, но пока вы только ухаживаете, вы не более чем рядовой воздыхатель, а что если вы оставите молодых девушек и обратите внимание на вдов...

– Вдов? – переспросил барон де Мерье. – Что я выигрываю от того, что меня знает весь Париж.

– Во-первых, вдова может гораздо опытнее в определенных вопросах, во-вторых ничто не помешает вам познакомиться с ней поближе, заставить оценить себя и привести ее к мысли стать вашей супругой.

После это, князь встал, прошелся по комнате, облокотился на камин и, глядя прямо на барона, спросил:

– Знакома ли вам одна из моих соотечественниц, княгиня Софья Лавизина?

– Да, я встречался с ней: во время торжеств и в театре...

– Как вы ее находите?

– Она же... уродлива.

– Зато у нее есть голова и характер. А ее прекрасные глаза мечут искры...

– А широкий, приплюснутый нос мешает любоваться ими...

– Вы обратили внимание на ее красные губы, на правильно очерченный рот, на прелестные зубы, напоминающие зубы волчицы, готовой укусить...

– Вот именно, готовой укусить, но какое отношение имеет портрет княгини Софьи Лавизиной к вопросу о женитьбе. Ее муж еще слишком молод, для того, чтобы предположить, что она станет вдовой.

Орсилов затянулся сигарой, выпустил в воздух густую струю дыма и небрежно сказал:

– Кто знает, что может случиться. Говорят, здоровье князя очень расстроено... это стало понятно, после десяти лет брака... десяти лет, проведенных рядом с любящей женщиной... наконец, он имеет множество врагов.

– Враги, кто?

– В среде анархистов, которых он жестоко преследовал на родине, открыто выступал против любых мер милосердия и советовал царю Александру II принять против них самые строгие меры. Я знаю, что его жизнь в опасности... поэтому он и скрывается во Франции. Анархисты люди мстительные, рано или поздно они сумеют найти его и здесь.

Говоря это, князь оживлялся все больше, его глаза блестели из-под густо нависших бровей. Барон де Мерье не замечал этой перемены, он думал о пятидесяти миллионах, которые застили ему глаза. Он думал только об этом, и не мог сдержаться:

– Оставим анархистов в покое и вернемся к вопросу, от которого мы отклонились, – сказал он князю Орсилову.

– Мы не отклонились от него ни на минуту, – возразил князь.

– Как? Вы думаете, что...

– Я думаю, что княгиня Лавизина, если так распорядится судьба, станет вдовой и после смерти мужа наследует все его состояние.

– Да!

– Большая часть которого представлена в виде драгоценностей и недвижимости.

– Но, заметил барон, княгиня унаследует состояние только в том случае, если у нее нет детей.

– У нее их нет.

– Что, если князь составил завещание?

– Он сделал это. Ничего удивительного, он любит ее, а она молится на него.

Барон де Мерье встал и, остановившись в двух шагах от князя, Орсилова сказал:

– Значит, в случае смерти князя Лавизина, случившейся вследствие болезни или несчастного случая, вы пришли посоветовать мне искать расположение княгини Лавизиной и потом жениться на ней?

– Угадали, – холодно ответил князь.

– И в обмен за эту идею вы желаете, чтобы я поделился с вами пятьюдесятью миллионами?

– Совершенно верно.

Несколько минут барон хранил молчание. В его душе шла борьба между упреками совести и заманчивым предложением получить миллионы... Конечно, миллионы восторжествовали над совестью, потому что он сказал:

– Это дело может затянуться. Надо признать, может пройти год, а то и вовсе несколько лет. Князь, несмотря на свое физическое истощение, может прожить еще несколько лет и вовсе не погибнуть от рук анархистов, наконец, даже если он умрет, нельзя же сразу жениться, на какие средства я буду существовать до тех пор, и жить хорошо, как подобает любовнику такой женщины, как княгиня Лавизина? Вы сами знаете, что я разорен, по уши в долгах.

– А я для чего? – заметил князь, который, предвидел подобное возражение... – Поскольку дело идет о приобретении двадцати пяти миллионов, и я нахожу справедливым и необходимым снабдить моего партнера деньгами.

– Что? Хотите сами?..

– Без сомнения... возможно, вы напрасно потратите силы и время на соблазнение. Возможно, она не полюбит вас до такой степени, чтобы выйти замуж, и вы рискуете остаться всего лишь любовником женщины, муж которой упорно не желает умирать. Со своей стороны я должен для успеха нашего предприятия рискнуть и дать вам возможность сохранить вид богатого человека... Если позволите, я оплачу ваши долги и буду давать вам деньги до момента свадьбы.

Поскольку барон стоял молча, с головой опущенной на грудь и ничего не отвечал, князь Орсилов через мгновение добавил:

– Подумайте хорошенько... Я не требую принять решение немедленно. Послезавтра княгиня Лавизина дает большой бал в своем отеле в парке Монсо. Если угодно я представлю вас, но не забудьте: ваше присутствие на этом балу будет условным знаком, что вы принимаете мое предложение и в случае успеха отдадите половину состояния княгини.

Барон де Мерье гордо поднял голову и, глядя на своего соблазнителя, сказал:

– А если я не отдам вам этих миллионов?

– Тогда я убью вас, – спокойно ответил князь, затем также спокойно поклонился и вышел.

Глава III

Бал, устроенный князем и княгиней Лавизиными для русских обитателей французской столицы и великосветских парижан, ближе к полуночи был уже в полном разгаре. Это была путаница чудесных туалетов, беспорядок из шелка, кружев, золота, жемчуга, бриллиантов и обнаженных частей тела. Княгиня появлялась повсюду: в залах, гостиных, оранжерее, даже на площадке парадной лестницы. Изредка целовала в губы, по русскому обычаю, молодую девушку, свою соотечественницу или подругу. Она была той женщиной, которую в нескольких словах описал князь Орсилов: квадратный, выпуклый лоб, сильно выдающиеся скулы, глубокие огненные глаза, толстые губы и широкий приплюснутый нос.

Хотя нос был неправильной формы, трепещущие широкие ноздри, придавали ее лицу необыкновенную живость и весьма оригинальное выражение, от этого глаза сияли еще ярче, поскольку были глубоко посажены в глазницы, а скулы казались еще более выпуклыми. Что касается губ, то их толщина делала их настолько сладострастными, насколько это возможно.

Голова была под стать красивому телу, с тонкой талией, широкими плечами, роскошными формами. Мощная шея подчеркнутая полоской белокурых волос, другими словами, у княгини было красивое тело вакханки.

Князь Лавизин сознавал, что его изящная жена благодаря фигуре, росту и грации всегда будет выделяться в среде великосветских львиц, и как обычно любовался. Когда, проходя через залы и помогая принимать гостей, князь встречался с женой взглядом, на бледных губах вспыхивала улыбка, сторбленная талия распрямлялась, потухший взгляд оживал. Княгиня, казалось, не замечала восторгов мужа, – ей было не до него. Казалось, она не находила в этих случайных встречах удовольствия, которое испытывал он... однако утверждали, что она его очень любила... несомненно, слишком сильно любила, и поскольку он больше не в силах активно отвечать на ее порывы и изливания, она сердилась на него за то, что он остановился, тогда как она все еще горела желанием продолжить путь.

Во время очередного своего перехода, поспешно идя к новому гостю навстречу, она увидела князя Орсилова, который стоял на площадке лестницы. Его глаза, устремленные вниз, внимательно рассматривали беспрестанно прибывающих гостей. Князь ждал кого-то тревожно и нетерпеливо. Эта тревога выражалась в том, что он едва отвечал на поклоны проходивших мимо гостей, а ему кланялись все высокопоставленные в обществе особы. Князя очень уважали в Париже. Несмотря на свое богатое состояние, он жил очень скромно и расчетливо: не играл на бирже или в карты, не имел любовниц и не был женат. Увидав его, княгиня сказала:

– Что вы здесь делаете, князь? Стоите, прилепившись к стене, как статуя.

– Жду барона де Мерье, которого просил позволения представить вам.

Подвижные ноздри княгини дрогнули, но она спокойно заметила:

– Да, правда, я совсем забыла... А он не едет, может быть, не желает быть представленным.

– Может быть... а я, признаюсь, хотел держать пари, что он все же приедет.

– И верно проиграли бы. Барон де Мерье, которого не имею удовольствия знать, но о котором много слышала, выезжает беспрестанно, его принимают везде... наш бал его не заинтересует. Говорят, он очень богат? Его похождения наделали столько шума. Многие женщины едва не умерли от любви к нему. Это редкость в наше время и я, из любопытства, часто задаюсь вопросом: какими качествами нужно обладать, чтобы доводить других до... подобного финала?

– Спросите его самого, княгиня. Вот он!

Глаза князя сверкнули, а на губах появилась торжествующая улыбка.

– Идите ему навстречу и представьте мне. Жду вас здесь, – сказала княгиня.

Князь Орсилов спустился в переднюю и, подойдя к барону, который так же искал его глазами. Они быстро переговорили и, даже не поклонившись:

– Княгиня вас ждет.

Строго соблюдая общественные приличия, барон, одетый безукоризненно, весь в чёрном с гарденией в петлице, улыбаясь и вместе с тем волнуясь, что его будущность стоит на карте, поднимался вслед за князем. Спустя мгновение состоялось знакомство. На приветливый поклон княгини Софьи он несколько секунд стоял, почтительно склонив голову, потом быстро поднял ее и встретился с ее взглядом, устремленным на него, словно исследующим.

После чего, он больше не опускал глаз и смотрел так же, как смотрели на него.

– Я вас удивляю, барон, вы считали меня уродиной? – спросила княгиня, которая будучи знатной дамой не боялась задавать прямые вопросы.

– Пугающей.

– Насколько?

– Настолько, насколько это вообще возможно, потому что мужчина, осмелившийся влюбиться, может умереть от этого.

– Мужчина, который полюбит меня... может быть... но прежде надо полюбить, а это трудно... об этом никто не задумывается.

– Что вы об этом знаете, княгиня? Любить вас помешает разве только уважение.

– Уважение! – заметила княгиня, презрительно пожав своими красивыми плечами. – Вы вальсируете?

– Когда меня приглашают, – ответил он, улыбаясь.

– Я приглашаю вас на вальс. Первые аккорды я слышу... Дайте руку...

Несколько минут спустя, они вошли в танцевальный зал и смешались с толпой танцующих. Он обхватил ее руками, обнял за талию и крепко прижал к себе. Она позволила ему это сделать, не пытаясь вырваться из этих объятий. Сделав круг по всему залу, они долго и быстро вращались на одном месте быстрее, еще быстрее, до безумия. Обхватив стройную талию своей дамы, барон не видел ничего, кроме ее роскошных плеч, чувствовал ее горячее дыхание и лучистый взгляд больших блестящих глаз. Их груди и колени соприкасались, они буквально впились друг в друга, сохраняя при этом свое хладнокровие, чтобы как можно лучше играть свою роль. Она, с трепещущимися ноздрями, проникновенным взглядом, взбудораженными нервами, возможно, подчиненная этой самой холодности, опьяненная музыкой, ароматами, распространяющимися в воздухе, поднимающая цветы, плечи, грудь, и смутно размышляющая о любовных отношениях, об успехах этого неутомимого мужчины, который заставлял ее кружиться. Задаваясь вопросом, не обязан ли он всем своим успехам этой холодной силе, которой обычно отвечали взаимностью. Наконец оркестр смолк, они остановились...

– Куда вам угодно? я провожу вас, – спросил барон.

Княгиня не могла ответить. У нее перехватило дыхание, голова кружилась. Стремительно выдернув руку, она пошла, искать князя Орсилова, который ждал ее в оранжерее и внимательно следил за ней.

***

На другой день, барон де Мерье получил чек на 200 000 франков. Убедившись, что все идет хорошо, князь Орсилов сделал, так сказать, первый взнос.

Глава IV

Некоторое время княгиня еще отбивалась от ухаживаний барона, но наконец, отдалась ему со всей страстью пылкой натуры.

Их связь продолжалась уже около трех месяцев. Она любила его безумно, всеми чувствами, всей силой своего сердца. Любовь, которую она чувствовала когда-то к мужу, так мало походила на любовь к барону, что княгиня часто спрашивала себе: не был ли Шарль де Мерье ее первой и единственной любовью. Она регулярно давала себе слово, даже клятву быть строже, холоднее, но едва только входил барон, побежденная и покорная она не сводила с него глаз.

Они виделись каждый день, в маленьком отеле барона близ Триумфальной арки. Под предлогом, что ей для здоровья необходимы прогулки, княгиня уходила сразу после завтрака и отправлялась гулять пешком. Одета как можно более просто, чтобы ее не заметили, она почти бежала, часто оглядывалась, а если ей казалось, что за ней идет кто-нибудь знакомый, тотчас садилась в извозничью карету давала какой-нибудь надуманный адрес и, после быстрой езды, уверенная, что никто не следит, спокойно разворачивала извозчика, и отправлялась навестить любимого. Барон всегда сам открывал ей дверь и отводил в храм или, скорее, в театр, где разыгрывал для нее любовные сцены.

С тех пор, как у княгини появились близкие отношения с бароном, она почти отказалась от всех выездов в свет, никого не принимала у себя, а вечера проводила с мужем. Князю и в голову не приходило, что сердце и мысли княгини Софьи не принадлежали ему даже в минуты интимных бесед, а дрожала она от воспоминаний об удовольствиях, и нервничала при мысли о завтрашнем дне. Княгиня считала себя настолько счастливой, что другого счастья и не желала, но барон думал иначе. Он не видел в этих отношениях ничего удивительного.

Время шло... Комбинация, предложенная принцем Орсиловым казалось никак не движется вперед. Знаменитые миллионы не стали ближе к его карману, да и князь Орсилов пропал. Если бы его партнер время от времени приходил к нему, чтобы вселить в него уверенность, придать ему смелости, сказать ему: «Все работает, миллионы уже на горизонте. Они торопятся». Но снабдив барона значительной суммой, он куда-то исчез из Парижа. Никто не знал цели его путешествия, никого это не интересовало. Он давно приучил своих друзей к тому, что исчезал неизвестно куда. Предоставленный самому себе, барон начинал отчаиваться. «Неужели ему, человеку который привык менять женщин, как перчатки, придется стать вечным любовником некрасивой женщины? Когда же, наконец, княгиня станет вдовой и полной обладательницей знаменитых миллионов», – думал он. Князь, по-видимому, и не собирался умирать, напротив, здоровье его поправилось: бледность исчезла, потухший взгляд оживился, спина распрямилась, что же касается анархистов, они, кажется, совсем забыли об его существовании. Такого было положение дел до 23-го февраля 18... года.

В этот день княгиня вернулась домой позднее обычного. Она совсем забылась в доме барона, и у нее оставалось только время переодеться к ужину. Пробыло семь часов.

– Князь, дома? – спросила она горничную.

– Дома, ваше сиятельство, – отвечала горничная. – Князь изволят быть в своем кабинете внизу.

– Пожалуйста, переоденьте меня как можно скорее, я не хочу заставлять его ждать, – и княгиня поднялась в свою комнату, находившуюся на верхнем этаже, но едва только вошла в нее, как раздался страшный грохот, похожий на взрыв. Можно было подумать, что рушится дом.

Глава V

За этим страшным шумом последовала гробовая тишина. Обитатели дома, господа и слуга были так испуганы, что несколько минут не смели издать ни звука и не могли двинуться с места. Вероятно, все ожидали нового взрыва. Первой пришла в себя княгиня, которая звала на помощь. Выбежав из своей комнаты, она очутилась на площадке лестницы первого этажа. Сначала никто ей не отвечал, потом появился камердинер князя, за ним дворецкий и несколько человек слуг, которые жили на втором этаже. Все были бледны, взволнованы, полумертвые от страха.

– Что такое? Что случилось? – спрашивала княгиня.

Все молчали, никто не знал, что ответить.

– А князь? Где князь? Почему его нет здесь? Он, вероятно, слышал грохот, так же, как и мы.

– Взрыв был слышен со стороны его кабинета...

– Скорее к нему! – и она сбежала с лестницы самой первой.

Люди робко следовали за ней. Они, кажется, боялись нового взрыва, а потому следовали за ней на расстоянии.

Княгиня смело открыла дверь, ведущую в кабинет мужа, но замерла на пороге. Дым и острый запах пороха, серы или чего-то вроде этих горючих веществ, вырывающийся из открытой двери едва не задушил ее. Она не решалась идти дальше, поскольку в кабинете была полная темнота...

– Воздух! Воздух! Откройте окна, – закричала она. – И дайте огня! Света! Скорее!

Но испуганные резким запахом и неизвестностью слуги стояли как замороженные.

– Быстро! – снова крикнула она, топнув ногой. – Или я всех вас уволю!

В этот момент в дом вошла прислуга с улицы: кучер, садовники и другие. Они были не меньше напуганы ужасающим грохотом.

В один момент испуганные слуги стали приносить со всех сторон зажженные канделябры и свечи. Княгиня схватила канделябр из рук того, кто стоял ближе к ней, и вошла первая, за ней последовали остальные. Она подвигалась медленно, шаг за шагом, оглядываясь кругом, спотыкаясь о разбросанную в беспорядке мебель, и вдруг страшно вскрикнула, а канделябр выпал у нее из руки. Испуганные люди жались один к другому, не смея двинуться с места, наконец, наиболее смелый из них сделал несколько шагов в глубину кабинета и так же закричал:

– Князь! Князь! Там! – смотрите!

Толпа хлынула в комнату, и глазам зрителей предстало страшное зрелище. Князя не существовало более... Вместо него на полу лежала какая-то бесформенная масса костей, мяса и крови. На груди было огромное отверстие, из которого ручьем текла кровь.

Вся мебель в кабинете была в беспорядке, изломана, изорвана, перевернута... Можно было думать, что на кабинет был выпущен град пуль. Несмотря на свою смелость и храбрость, княгиня не вынесла этого зрелища. Она упала без чувств. Ее вынесли на руках.

Четверть часа спустя, к дому князя Лавизина подъехал полицейский комиссар.

Глава VI

Такому скорому и неожиданному визиту комиссара были обязаны одному из слуг, который обезумев от страха сбежал. Одумавшись побежал сообщить в полицию о случившейся катастрофе. Не мешкая ни минуты, комиссар вместе с секретарем сел в карету и приказал как можно скорее везти себя на улицу Мурильо, где находился дом князя Лавизина. Он пока не понимал, что случилось, но торопился по долгу службы, чтобы предотвратить последствия или возможное несчастье.

Прежде чем войти, полицейский перекрестился. И уже в передней встретился с доктором Н., знаменитым профессором из Медицинской школы, за которым послала княгиня Софья, едва ее привели в чувство. Доктор и комиссар вместе вошли в кабинет, где все оставалось на своих местах, а князь лежал на окровавленном ковре. Доктор подошел, наклонился, измерил глубину зияющей в груди раны, послушал сердце и сказал:

– Он умер с полчаса.

– От взрыва или горючего вещества? – заметил комиссар.

Доктор вдохнул дым, который не успел еще выветриться и сказал:

– Я полагаю, это взрыв динамита... чувствуется запах азотной и серной кислоты – основы нитроглицерина, которые используются для создания динамита.

– Князь, вероятно, совершал какие-то химические опыты? Подошел к огню, и...

– Нет, – возразил ученый практик. – Динамит, благодаря его смешиванию с кремнистым веществом, предназначенным для выделения молекул жидкости, можно безнаказанно подносить к огню, даже бросать в огонь... он будет медленно гореть без пламени или детонации... Разрушающее действие динамита происходит от сильного толчка гремучей капсулы, наполненной нитроглицерином.

Говоря это, доктор ходил по кабинету, внимательно осматривал причиненные взрывом повреждения. Вдруг он поднял предмет, который попался ему под ноги и, передав его комиссару, сказал:

– Смотрите, я не ошибся. Динамит в соприкосновении с этой капсулой разбил свою оболочку и, разорвавшись на куски, не только изуродовал несчастного князя, но и разбил все, что здесь находилось. Вот один кусок чугуна, другие в мебели, на полу и в стене.

– Значит, вы предполагаете, доктор, что князь рассматривал бомбу, начиненную динамитом, что она упала из его рук, и этого сотрясение стало причиной взрыва?

– Не думаю, потому что покойный князь, насколько я имел честь его знать, не занимался химией и был слишком осторожен, чтобы держать у себя всякие горючие вещества.

– Но он мог не знать, что бомба начинена, – заметил комиссар. – После войны были подобные случаи, которые следует отнести к разряду несчастных случаев.

– Хорошо, но если эта бомба выпала у него из рук, пострадала бы нижняя часть туловища, а здесь, напротив, ноги целы, поражены голова и грудь.

Он оглянулся кругом пристальным взглядом и прибавил:

– Кажется, мои догадки не оставляют никаких сомнений, в том что произошло.

– Я прошу прощения за то, что расспрашиваю вас, – сказал комиссар, – но мне показалось, что мнение человека вашей компетенции будет для меня весьма ценным.

Не обращая внимания на комплимент, увлекшись расследованием, доктор продолжил:

– Вот что было. В ожидании ужина князь по обыкновению работал у бюро при свете лампы, которая как вы видите, разбита вдребезги. Бомба упала на бюро, моментально разорвалась и убила его.

– Бомба, говорите вы? Значит, полагаете что это преступление?

– Не мое дело предполагать, – а ваше. В качестве доктора, я только констатирую причину смерти князя... остальное меня не касается.

Но комиссар уже не слушал доктора, он быстро подошел к окну кабинета и начал его осматривать.

Глава VII

Это окно, точнее оконная дверь, выходила в палисадник, который отделял дом князя Лавизина от Парка Монсо. Комиссар тотчас же констатировал, что оба большие стекла были разбиты по всей длине, но это не могло случиться при поражении каким-либо снарядом, только в результате сильной вибрации или сотрясения. Он подошел к другому окну, которое находилось как раз против бюро князя. Одно из стекол было расколото, а посередине виднелся довольно большой круг, выбитый чем-то тяжелым. Обратив на это особенное внимание, комиссар желал, однако, услышать мнение ученого человека, который был еще рядом, и потому сказал:

– Доктор, сделайте милость, подскажите, приблизительно какой величины была бомба, о которой вы говорили.

Доктор подумал с минуту, внимательно рассмотрел несколько кусков чугуна, поднятых с пола, и сказал:

– Она, должна быть, величиной со страусиное яйцо.

– Не угодно ли вам теперь посмотреть на это окно. Что скажете? – спросил комиссар, когда доктор окончил осмотр.

– Отверстие как раз величиной с бомбу. Значит ее бросили снаружи?

– Да, ее бросили из палисадника.

Бросив взгляд на сад, освещенный газовым фонарем, и добавил:

– Человек сильный и с твердой рукой мог бросить ее из аллеи парка, ему не надо было даже перелезть через решетку. Она находится всего в шести метрах от этого окна. Шторы не спущены, князь сидел у стола, освещенный лампой, следовательно, могли целить прямо в него.

– Однако, – заметил комиссар, – первый этаж возвышается почти на два метра над землей, следовательно, человек, стоявший с той стороны решетки, не был не на одном уровне с окном.

– Для этого ему нужно было только взобраться на цоколь, в который вделана решетка. А если вы прибавите, что он еще был высокого роста, не удивительно, что бомба попала как раз в середину окна.

– Злодеяние очевидно, – согласился комиссар, – остается найти преступника.

Последние слова вызвали у доктора неприязнь, он согласился посвятить свой опыт и знания, свою проницательность служению тому, кто просил его об этом, но ему не нравилось, когда напоминали, что он участвует в полицейском расследовании.

– Ну, так как это не мое дело, я вас оставляю и иду к княгине. Возможно, ей понадобится моя помощь, – поклонился доктор.

После его ухода, комиссар продиктовал секретарю следующую телеграмму:

«Комиссар Европейского квартала, префекту полиции. Убийство русского поданного князя Лавизина в собственном доме, улица Мурильо. Прошу прислать полицейских агентов».

Отослав телеграмму, комиссар продиктовал короткий рапорт:

«Прибыв в улицу Мурильо, в дом князя Лавизина, где как утверждали, произошел несчастный случай, я был вынужден констатировать, что причиной взрыва была бомба, начиненная динамитом, которая была брошена в кабинет князя снаружи и стала причиной его смерти. Бомба была брошена из парка Монсо. В данную минуту не могу дать другую информацию. Я остаюсь на месте и произвожу дознание».

Комиссар подписал рапорт, и его без промедления отправил прокурору Республики.

Глава VIII

Приняв стандартные меры, комиссар спешил продолжить расследование, которое должно было послужить основой для следственных действий и руководством для первых поисков судьи-следователя, которого прокуратура должна была назначить на следующее утро.

Согласно инструкции, он хотел собрать максимум улик на месте преступления, а потому сам спустился в палисадник. Несмотря на тщательный осмотр при помощи фонарей, которые ночной сторож парка Монсо предоставил в его распоряжение, комиссар не нашел ни на клумбах, ни в круглой аллее, покрытой мелким песком, никаких следов. Тогда он открыл калитку, которая соединяла палисадник с парком, и вышел в парк, чтобы осмотреть участок, по другую сторону решетки, в общественной части сада. Перед решеткой расстилалась небольшая, покрытая дерном лужайка. На влажном дерне отчетливо виднелись следы ног, такие же как и на цоколе решетки, на который неизвестный наверняка взобрался, когда он бросал бомбу, потому что на камне сохранились следы его ботинок с землей и дерном. Отдав приказ прикрыть следы соломой и небольшими досками, чтобы они сохранились до утра, комиссар вернулся в дом.

Теперь он собирался перейти к той части расследования, которое называется информационной, то есть кратко допросить людей, не требуя присяги, которые могли предоставить информацию.

Прежде всего, он приказал позвать охранников из парка Монсо и спросил, не видели ли они какого-нибудь подозрительного человека, который мог бродить рядом с домом князя. Первый сторож показал, что часов около семи вечера, когда уже надо было закрывать ворота парка, высокий человек с приподнятым воротником вдруг вошел в парк через аллею Рюисдейль и быстро повернул к дому князя Лавизина. Другой сторож заявил, что запирая калитку, выходящую на улицу Рембрандта, он видел человека, который хотел выйти из парка.

– И вы открыли ему? – спросил комиссар.

– Он не просил открыть, а отправился дальше и, наверно, свернул на аллею Ван-Дик.

– Какого роста был этот человек?

– Выше среднего.

В это время к комиссару подошли три полицейских агента, присланные префектом. Комиссар обратился к старшему из них:

– Вы знаете о случившемся, Корбин? Что-нибудь хотите сообщить мне по этому поводу?

– Очень много господин комиссар. На улицах Курсель и Мурильо мы нашли несколько человек, утверждающих, что видели около дома князя субъекта подозрительной наружности.

– Приведите их, – распорядился комиссар.

Вошла женщина, торгующая пирожками и детскими игрушками. Она показала, что несколько минут спустя после взрыва мимо нее прошел человек, приметы которого были схожи с приметами субъекта замеченного охранниками парка. За торговкой последовал допрос кондуктора омнибусов. Он стоял на бульваре Курсель, мимо него быстро прошмыгнул человек, который казался очень взволнованным и громко разговаривал сам с собой.

– Какого он был роста?

– Среднего, одет прилично...

– Воротник его пальто был приподнят?

– Нет, господин комиссар, потому что я хорошо рассмотрел его лицо и смогу узнать.

Еще одно показание подтвердило показание кондуктора. Хозяин небольшого ресторана в улице Мурильо рассказывал:

– Часов около шести вечера, человек лет пятидесяти, довольно высокий, одетый просто, но в опрятную одежду, вошел ко мне и попросил перо и бумагу. Закончив письмо, он отослал

его с моим мальчиком в дом князя Лавизина. Я сам видел адрес. Мальчик ждал несколько минут ответа, но князь приказал только сказать: «Ответа не будет. Пусть меня оставят в покое». Получил ответ, мой гость задумчиво сидел примерно полчаса и что-то бормотал про себя, а потом ушел.

– Не можете ли сказать, в какую сторону? – спросил комиссар.

– Извините, не могу. Я в тот момент спускался в подвал.

– Пока он сидел у вас, не заметили ли вы чего-нибудь в его карманах?

– Заметил. В одном кармане пальто было что-то и он часто опускал туда руку.

Проводив последнего свидетеля, комиссар пробежал глазами заметки, которые он диктовал секретарю во время допроса свидетелей. И еще раз убедился, что все они имеют сходство. Разнились они только в двух пунктах: приподнятый или опущенный воротник пальто и вопросе о росте незнакомого человека: одним незнакомец казался высоким, другим среднего роста. Все остальное несомненно относилось к одному и тому же субъекту, действия которого можно было проследить шаг за шагом с момента его появления в районе и до его бегства. Он приходит в ресторан, расположенный у входа на улицу Мурильо, около шести, пишет письмо, приказывает отнести его к князю Лавизину и нетерпеливо ждет ответа. Неблагоприятный ответ приводит его в волнение. Он решается исполнить давно задуманный план: покидает ресторан и в семь часов вечера, проходит мимо первого охранника, перелезает решетку, отделяющую парк от палисадника, влезает на цоколь и, увидав князя, бросает в него бомбу. Совершив преступление, он пытается выйти через улицу Рембрандта, но ворота парка уже закрыты, а потому он проходит через аллею Ван-Дик мимо торговки детскими игрушками, наталкивается на кондуктора omnibusов, потом меняет маршрут, доходит до бульвара Курсель и исчезает. Все это показалось комиссару предельно ясным. Но кто убийца? Возможно, его письмо, написанное князю Лавизину, могло бы дать ответ на этот вопрос.

Глава IX

– Разве вам не приносили сегодня около пяти часов вечера письмо на имя князя? – спросил комиссар у швейцара.

– Точно так, сударь. Письмо приносил мальчик из соседнего ресторана.

– Кому вы передали письмо?

– Камердинеру князя.

– Позовите его.

Прошло несколько секунд, появился камердинер, и комиссар задал ему тот же вопрос.

– Когда вы передали письмо князю?

– Сию же минуту.

– Где находился князь?

– В кабинете. Его сиятельство только взглянули на подпись и бросили письмо в корзину, – и я больше его не видел...

– Может вы поищите корзину где-нибудь. Вся мебель перевернута, – заметил комиссар.

Действительно, камердинер нашел корзину в углу кабинета. Корзина была сплюснута, дно вылетело, никаких писем в ней не оказалось. Комиссар уже пришел в отчаяние, как вдруг Корбин подал ему измятый лист почтовой бумаги, найденный под столом.

– То самое письмо, которое я подал князю, – заявил камердинер.

Комиссар начал читать. Вот содержание письма:

«Князь!

Я был сейчас у вашего управляющего, умолял его об отсрочке, но он сказал, что получил приказание действовать решительно. Завтра он выгонит меня из вашего дома и продаст мое имущество. Я еще раз прошу у вас отсрочки. Пощадите меня. Вот уже сколько времени я не могу найти работу. Я изобрел снаряд, который может стать настоящим прорывом в военное время... Мое изобретение со временем обогатит меня. Не за себя умоляю вас, а за дочь, которую боготворю. Я способен на все ради ее спасения. Сжальтесь надо мной! Что значат для вас две сотни франков? Но дело не в том... Вы, может быть, сердитесь на меня за угрозы? Я не угрожаю более, а молю о благоприятном ответе. Не доводите меня до крайности.

Берар.

Бульвар Курсель, дом №40».

У комиссара не оставалось никаких сомнений. Чтобы наказать квартиросъемщика за дерзкие угрозы, князь Лавизин оставался жестоким, неумолимым. Жилец сделал последнюю попытку, отчаявшись обезумел и решился отомстить.

Только один вопрос все еще довольно серьезно тревожил комиссара. Зачем? По какой странной прихоти убийца, совершая свое преступление, он выбрал бомбу начиненную динамитом? Это ужасное оружие до сих пор служило только для совершения политических преступлений, нанесения ударов императору или королю. Это было любимое оружие политической партии, секты, но никогда не было обычным оружием обычных убийц.

Эти мысли, приходившие ему в голову, не помешали ему отдать приказ о немедленном аресте.

Он выписал ордер на арест и передал его инспектору полиции Корбину, рекомендовав ему действовать как можно более осторожно. Этот совет заставил Корбина улыбнуться, он считал его бесполезным, поскольку утверждал, что хороший полицейский, при аресте преступника, должен использовать только уговоры.

Глава X

Полицейский надзиратель в сопровождении двух жандармов, отправился на бульвар Курсель и, облокотясь на перила парка Монсо, осмотрел дом №40. Дом был двухэтажный, находился в глубине двора и из-за своей ветхости больше напоминал старую заплату на новом платье. Кругом возвышались пятиэтажные красивые дома, а дом №40 один выглядел мрачным и запустелым. Князь Лавизин, вероятно, купил его с целью построить на этом месте новый дом. Приметив все, что ему было нужно, осторожный и ловкий Корбин, оставил жандармов в парке, а сам пересек проезжую часть и вошел в маленькую табачную лавчонку, находившуюся возле ворот дома №40. Выбрав десяток сигар, он ни в чем себе не отказывал, когда был на задании, завел разговор с продавщицей, которая, казалось, была в веселом настроении.

– Не могли бы вы, сударыня, подсказать мне квартиру одного господина, который должен жить в этом доме, – начал Корбин. – У меня к нему поручение, а я не знаю номера его квартиры.

– А как его имя? – спросила торговка.

– Его зовут Берар.

– Берар живет здесь, во дворе, – на втором этаже, дверь направо.

– Правда! Как мне повезло, что я обратился к вам! Я уже час мотаюсь по окрестностям... знаете пословицу?

– Какую?

– На ярмарке, что называется, больше одного осла...

– Мартин, – любезно закончила продавщица.

– А нет ли здесь другого Берара? Я не хочу тревожить ночью людей незнакомых...

– Может быть вы опишите мне наружность вашего Берара.

– Он лет пятидесяти, – сказал Корбин, – росту скорее высокого, худощавый...

– Он! Он! Это его портрет, – вскричала торговка. – Позвольте... у вашего Берара есть дети?

– Дочь.

– Ну, конечно он. Дочь так хороша, что мы все соседи, называем ее «Королева Красоты»!

– Как вы думаете, он сейчас дома?

– Наверное уже дома. Часов около восьми, он прошел мимо меня. Он обычно возвращается домой, и больше не выходит.

– Но, может быть, он уже лег спать. А я побеспокою его.

– Нет, едва ли. Он не ложится рано, до половины ночи работает.

– Что же он делает?

– Право не знаю. Говорят он ученый... инженер... химик... как бы это сказать?... бывший студент Горного училища.

– Может быть бомбы?

– Он изготавливает какие-то вещи, делает опыты, проводит эксперименты, и часто пугает нас.

– Чем пугает?

– Мы боимся взлететь на воздух... Знаете ли, он однажды просил у виноторговца достать ему какой-то необыкновенный спирт.

– Зачем?

– Чтобы смешать, говорил он, с... с... забавное название... с... нитро... нитроглицерином... и сделать его менее опасным.

– Да! да! Это именно тот Берар, которого я ищу... Пойду, найду к нему. На втором, справа? Благодарю вас, сударыня!

Отдав приказание жандармам найти карету и ждать его у ворот, и арестовать любого, кто попытается сбежать. Сам Корбин засунул руки в карманы, так же небрежно, словно он ничем не рискует, открыл дверь, пересек маленький дворик и поднялся по лестнице.

Глава XI

Поднявшись на второй этаж, Корбин подошел к правой двери и позвонил. Через несколько минут дверь открылась.

– Господин Берар? – спросил Корбин, вежливо прикладывая руку к шляпе.

– Я самый. Что вам угодно?

– Мне нужно поговорить с вами об одном весьма важном деле. Извините, что пришел поздно, днем я был очень занят.

– Войдите, – сказал Берар, – но, – добавил он, понижая голос, – позвольте попросить вас говорить потише. Моя дочь очень устала и уже легла. Я думаю, она спит.

– Не извольте беспокоиться, – ответил Корбин, улыбаясь, – я умею ходить и говорить очень тихо.

Берар ввел гостя в небольшую комнату, которая служила одновременно приемной, столовой и рабочим кабинетом... В ней царил страшный беспорядок. На столе и на стульях валялись книги, одежда, бумаги.

«Он хочет переехать в другую квартиру», – подумал Корбин, – «я пришел вовремя».

Однако, лицо Берара не выражало ни малейшего смущения, скорее любопытство. Он освободил старое кресло от наваленных на него предметов и предложил своему гостю, а сам встал у камина, где медленно тлели какие-то бумаги.

– Вы, наверно, пришли ко мне по поводу моего изобретения? – начал Берар.

– Ваше изобретение очень меня интересует, но мы поговорим о нем после, – сказал вежливо Корбин, – а теперь я хочу сказать несколько слов о князе Лавизине...

– Князе Лавизине? – спросил Берар, который не смог подавить своего удивления.

– Да, о князе. Вы же писали ему сегодня?

– Да, писал, – согласился Берар.

– Он дал вам неблагоприятный ответ, а теперь одумался и согласен выслушать вас, если только вы будете настолько добры, что поедете со мной?

– Сейчас? О, нет, я не могу! Я не могу оставить мою дочь одну. Район здесь не безопасный.

– В таком случае пожалуйста к комиссару полиции... Я отвезу вас к нему, он ждет вас.

– Что ему нужно от меня?

– Письмо, которое вы писали князю Лавизину, наполнено угрозами, а князь сообщил об этом комиссару. Прошу вас проследовать за мной. Я инспектор Службы безопасности. Если вы сомневаетесь, вот моя карточка.

– Боже мой! Я не угрожал ему, уверяю вас, – сказал Берар, – напротив, писал: «я более не угрожаю вам».

– Значит, вы угрожали ему прежде. Еще раз прошу вас, проследовать за мной. Давайте не будем заставлять ждать комиссара, он человек нетерпеливый... одевайте пальто и шляпу, и пойдемте.

Берар выглядел сбитым с толку, потрясенным, неспособным защищаться и сопротивляться.

– Хорошо, хорошо, я иду, но пожалуйста не повышайте голос, моя дочь спит. Не нужно, чтобы она знала.

– Не беспокойтесь, она ни о чем не заподозрит.

Будучи человеком осторожным, который думает о мелочах, он воспользовался моментом, пока Берар искал свою шляпу, Корбин взял щипцы и вытащил из камина не успевшие еще сгореть клочки бумаги.

– Я готов, – сказал Берар, тихо выходя из комнаты дочери.

– Идите вперед, – попросил Корбин.

Берар послушно запер дверь снаружи, положил ключ в карман и спустился по лестнице.

Инспектор следовал за ним, засунув руки в карманы, и с довольным видом говорил себе: «уговоры, всегда только уговоры... только это... они способны заменить любые наручники и веревки».

У ворот они сели в карету и через пару минут подъехали к дому князя Лавизина.

– Почему здесь столько народу? – спросил Берар, заметив толпу людей, которую едва сдерживали полицейские сержанты.

– Наверно, выкинуло из трубы. В Париже столько ротозеев, – отвечал Корбин.

В передней Корбин поручил Берара полицейским агентам, а сам отправился к комиссару, чтобы доложить об успешно выполненной миссии.

– Я полагаю, – сказал он в заключение своего доклада, – что этот человек будет препятствовать правосудию... он как кролик... но нервный и беспокойный.

– Все в порядке приведите подсудимого в маленькую гостиную. Я организую ему очную ставку со свидетелями.

Берара привели в зал.

– Вы сказали, что угрожали князю Лавизину? – спросил его комиссар. – Почему?

– Правда, – согласился Берар, – потому, что князь был безжалостен ко мне.

– В письме, посланном князю сегодня, вы говорите: «я прибегну к крайним мерам». Что вы подразумеваете под этим выражением?

– Право не знаю... кажется, я думал о самоубийстве.

– Вы хотели лишиться себя жизни, имея дочь? Что же в таком случае было бы с ней?

– Она умерла бы вместе со мной.

Комиссар внимательно посмотрел на него и сказал:

– Вы очень взволнованы. В чем причина?

– Неужели вы не понимаете? – отвечал Берар, возмущение которого росло. – Как я могу быть хладнокровным? Человек обладает миллионами, живет во дворце, а я бедный труженик и честный, заметьте – я вспыльчив, потому что много перенес в своей жизни, – и вот я, честный труженик умоляю его об отсрочке, умоляю не продавать мои вещи, дорогие мне из-за воспоминаний, а он приказывает продать все и выгнать меня на улицу. И потому, я от горя и отчаяния написал необдуманно, а он отдает мое письмо вам... Извините, господин комиссар, но подобный поступок недостойн порядочного человека, тем более, князя и богача. Завтра он отнимет у меня все, выгонит из дома, и я буду нищим, но предпочту лучше называться Бераром, чем князем Лавизиным.

Полицейский комиссар, привыкший к разным уловкам подсудимых и подозреваемых, на этот раз засомневаться в виновности Берара, так он совсем не походил на злодея.

– Я собрал всех свидетелей для очной ставки, – шепнул комиссару Корбин.

– Вводите их поодиночке, согласно порядку указанному мной в бумаге, – отвечал комиссар.

Он вспомнил о собранных против подозреваемого убедительных доказательствах, и раскаиваясь в своих колебаниях, решил как можно скорее убедиться в правоте своих подозрений.

Хозяин ресторана, где Берар писал письмо, сразу же узнал его.

– Я несколько не запираюсь в этом, – отвечал Берар, бросая вокруг себя обеспокоенные взгляды. – Почему меня ставят напротив меня? Это чтобы он узнал меня?

– Итак, вы не пытаетесь скрывать, что больше часа провели в кафе и там же написали письмо?

Не услышав ответа, комиссар полиции резко спросил:

– Что было у вас в кармане?

– Право не знаю... Книга, верно. Когда я выхожу, всегда беру с собой книгу и иногда читаю на улице.

– Это он! – вскричал контролер омнибусов, которого пригласили войти после трактирщика.

– Где вы видели меня? – спросил Берар.

– На бульваре Курсель... Он шел очень быстро и казался очень взволнованным, разговаривал сам с собой?

– Очень может быть. Я был сильно раздражен на князя и часто в такие моменты разговариваю сам с собой.

– Вы шли домой? – спросил комиссар.

– Домой.

– Почему же вы шли в противоположном направлении от вашей квартиры?

– Я был очень взволнован и, кажется, действительно, прошел мимо своей квартиры, но потом вернулся.

– Разве вы не видели, как я вернулся?

– Да, все верно. – Подтвердил свидетель.

Охранники из парка и продавщица детских игрушек также подтвердили свои показания, но добавили, кажется, что проходивший мимо человек, был выше ростом.

Комиссар раздумывал несколько минут. Ему пришла в голову мысль: не ищет ли он двух людей по одному и тому же следу. Один человек появляется в семь часов в кофейне, где ждет ответ и, не дождавсь его, уходит домой. Другой входит в парк через аллею Рюисдейль, направляется к дому князя, бросает бомбу, а затем упирается в запертые ворота парка и исчезает через аллею Ван-Дик.

– Наконец, господин комиссар, в чем меня обвиняют? – спросил вдруг Берар.

– Вы сейчас узнаете, – заметил комиссар, вставая. – Пойдемте в кабинет князя.

– Нет, я не хочу! Не хочу! – вскричал Берар. – Он очень дурно поступил со мной. Я не вытерплю, и выскажу ему всю правду.

– Однако нужно пойти...

И комиссар открыл дверь кабинета, где все еще лежал труп князя...

Берар снова попытался оказать некоторое сопротивление. Затем он наконец вошел в сопровождении комиссара, а за ним следовали сотрудники Службы безопасности.

Глава XII

По распоряжению комиссара, кабинет был освещен зажженными канделябрами. Возле трупы стояла лампа рефлектор и лучи ее падали как раз на окровавленную и бесформенную часть трупы. Берар сперва окинул глазами кабинет, потом, остановился на трупе, он вскрикнул и отступил на несколько шагов.

– Подойдите, – сказал Корбин.

– Нет, нет... – пробормотал Берар, пятясь назад, – зачем вы привели меня сюда? Зачем заставляете смотреть на эту кровь? Чей это труп?

– Посмотрите на него повнимательнее, – продолжал комиссар, подталкивая Берара вперед, – вы должны его узнать.

– Как я могу узнать... Лица нет, – сказал Берар.

Тогда комиссар подошел к Берару и, глядя ему в глаза, сказал:

– Это князь Лавизин... князь Лавизин, которого вы убили.

– Я?.. Я?.. Я убил?!

– Да вы. Лучше сознайтесь. Все свидетельствует против вас. Ваше волнение, ваш ужас при виде жертвы, ваши угрозы и сегодняшнее письмо князю, наконец, ваши исследования динамита. Вы сами знаете, что князь убит бомбой, начиненной динамитом. Сознайтесь, – советую, это в ваших же интересах. Мы безусловно окажем снисхождение... допустим, заявим, что вы были раздражены чрезмерной жестокостью или обезумели от страданий. Чистосердечное раскаяние – единственный способ спасти вашу голову.

– Я не буду сознаваться, – сказал Берар, звучным, вибрирующим голосом, распрямляясь при этом, – потому что не совершал преступления. Вы обвиняете невиновного! Делайте со мной, что хотите... Я так несчастен, и не боюсь, что мне может быть хуже. – Голос старика как будто окреп, он говорил сильно и убедительно, но вдруг опустил голову и проговорил, задыхаясь и гораздо тише:

– Но моя дочь! Моя дочь! Что будет с ней?

Эти слова, вырвавшиеся из глубины души, тронули даже комиссара, и совесть развеяла последние подозрения, что Берар – виновен. Он видел перед собой невиновного. Комиссар хорошо знал, что невинный, которому неожиданно показывают изуродованный, окровавленный труп человека, некогда знакомого, не может управлять своими чувствами, только закоренные преступники при виде своей жертвы способны сохранить самообладание. А потому вынуждены разыгрывать из себя комедиантов или изображать сцены изумления или безразличия. Судебная власть, верная старым обычаям, придает этому большое значение подобным столкновениям, обычно поручает их судьям. А он просто выполнил свой долг, как и собирался выполнить его, проведя обыск в доме обвиняемого.

Отозвав в сторону Корбина, комиссар отдал приказание немедленно ехать вместе с Бераром в его квартиру на бульвар Курсель.

– Вы отправляете меня в тюрьму? – спросил подсудимый Корбина, когда они оба сели в карету.

– Ни в коем случае, – все еще мягко возразил Корбин, – мы едем к вам.

– Зачем?

– Чтобы решить одну маленькую формальность – отвечал Корбин. И, вспомнив опасения Берара по поводу его дочери, он добавил, – но будьте уверены, что я не побеспокою вашу дочь.

Больше Берар не сказал ни слова. Он забился в угол экипажа, и яростный, с сухими, застывшими глазами, казалось, глубоко задумался о чем-то своем. Без сомнения, он думал о неслыханном стечении обстоятельств, ошеломившем его. Думал, что он проиграл. Убитый и растерянный, думал только об одном: как выйти из своего ужасного положения, какие слова

следует сказать, какие свидетельства следует привести, чтобы выбраться из ситуации, получить свободу, спасти себя и успокоить дочь.

В ту минуту, когда карета остановилась у ворот дома №40. Из другой кареты, которая ехала позади, вышел полицейский комиссар со своим секретарем.

Они громко постучали, комиссар назвал консьержке свое имя и звание, которая слабо протестовала против этого ночного вторжения.

Убитый отчаянием Берар сам отпер этим неожиданным гостям дверь своей скромной квартиры.

Глава XIII

Комиссару, так же, как и Корбину показалось, что обвиняемый готовился покинуть свою квартиру, и потому они изъявили желание осмотреть находившиеся в чемоданах бумаги и книги. Берар подал ему несколько книжных томиков и тетрадей.

– «Химические исследования», – прочел комиссар.

– Разве это не кажется вам естественным, – заметил Берар голосом, который он тщетно пытался укрепить, – что у меня имеются подобные книги? Я ведь старый воспитанник школы горных инженеров.

– Без места и положения, – съязвил комиссар.

– Сейчас, да. Но я долго служил при министерстве общественных работ, и только по случаю одного столкновения с главным инженером вынужден был подать в отставку.

– Примите к сведению это заявление, – сказал судья, обращаясь к своему секретарю. Оно указывает на жестокость в характере обвиняемого.

Берар молчал.

– В письме к князю вы упоминаете об изобретении, которое может обогатить вас. О каком изобретении идет речь?

Берар, несомненно, не ожидал этого вопроса и он побледнел еще больше.

– Отвечайте, и поскорее, – вскричал комиссар, – впрочем, я вам могу помочь. Не хотите ли вы рассказать об этом?

И комиссар показал на слово «Panclastipue» – с греческого «истребляющий все», стоящее в заголовке брошюры.

Берар забыл о своем положении обвиняемого. В нем моментально проснулся изобретатель.

– Да, господин комиссар, – отвечал он, воодушевляясь. – Мое изобретение может сделать много полезного. Оно может рыть шахты, пробивать горы, сносить препятствия: – оно в десять раз сильнее и взрывоопаснее динамита.

– Вот как! – насмешливо заметил комиссар.

Берар, поняв, что он свидетельствует против себя, остановился и растерянно взглянул на комиссара.

– Теперь я все понял, – сказал комиссар. – Вы в припадке злости на князя, решились отомстить ему и провели на нем первое испытание вашего изобретения.

– Нет, нет! Тысячу раз нет! – вскричал Берар.

– Не угодно ли вам обратить внимание на бумажку, которую я достал из камина, – шепнул Корбин комиссару.

– Покажите.

Корбин подал клочок бумаги, написанный рукой подсудимого. Пламя успело захватить лишь несколько слов и можно было разобрать следующее:

«... Поступаете со мной жестоко. Я обладаю такой силой, что могу одним ударом разрушить все ваши дворцы, сжечь дотла все ваши дома, ваши гостиницы, ваши дома в России и взорвать ваши рудники, которые приносят вам миллионы... Берегитесь воевать со мной...»

– Это, наверно, черновик письма, адресованного князю Лавизину? – спросил комиссар.

– Да, – твердо отвечал обвиняемый.

– И вы послали его к князю?

– Два месяца тому назад.

– Понимаю, – в нем были угрозы, о которых вы упоминали в своем сегодняшнем письме... И после этого вы удивляетесь, что князь был суров по отношению к вам, что он хотел выгнать вас из своего дома? По-моему, он был слишком добр. Ему давно следовало бы послать мне ваше письмо, но он им пренебрег, и пренебрежение стоило ему жизни... Довольно. Больше не о чем разговаривать – дело ясное.

В ту минуту, когда комиссар произнес последние слова, открылась дверь в соседнюю комнату и на пороге показалась Жанна Берар.

Глава XIV

Высокая и стройная девушка, уже сформировавшаяся, с хорошо заметной грудью и широкими бедрами, она обладала всеми округлостями, всеми изысканными очертаниями хорошо сложенной женщины, достигшей полного расцвета.

Жанна Берар недаром получили свое прозвище «Королевы красоты». Только восхиительная головка, сидящая на этом прекрасном теле, говорила о том, что Жанна была еще совсем юной девушкой, молодой и невинной. Черты лица ее поражали своей идеальной красотой, золотисто-белокурые волосы обрамляли ее свежее личико, немного бледное, но окрашивающееся румянцем при малейшем проявлении эмоций. Большие, продолговатые глаза с длинными ресницами, взгляд неопределенный, немного мечтательный, выражающий бесконечную мягкость. Тонкий греческий нос и правильно очерченный рот дополняли ее красоту. Внезапно разбуженная незнакомыми голосами Жанна резко вскочила с кровати, накинула белый пеньюар и открыла дверь в гостиную. Она остановилась, покрасневшая, испуганная, увидев незваных гостей, уже собиралась вернуться в свою комнату.

При других обстоятельствах она тотчас ушла бы, но бледный и встревоженный вид отца, заставил ее забыть, что они не одни.

– Что случилось? Что с тобой? Что происходит – быстро спросила она отца, схватив его за руку.

Берар не отвечал. Он не осмеливался, не мог.

Тогда она повернулась к незнакомцам, но они тоже хранили молчание, пораженные ее красотой.

– Я хочу все знать, отвечайте! – вскрикнула Жанна и, кроткое выражение ее лица исчезло, зажегся взгляд, блеснули зубы под приподнятыми губами и посреди комнаты стояла уже не молодая девушка, а энергичная женщина, пылкая, с вопросом на лице. Комиссар, смущенный ее неожиданным появлением, был тронут очарованием красавицы, не желая наносить слишком жестокий удар, но также желавший закончить начатое, долго не мог найти подходящего ответа. Наконец, немного оправившись, он сказал:

– Сударыня, в моем квартале случилось страшное происшествие... В качестве полицейского комиссара, я пришел к вашему отцу, чтобы получить у него некоторые сведения.

– О каком происшествии вы говорите? – спросила Жанна.

– Князь Лавизин, хозяин этого дома, в котором вы живете, – убит.

– И меня обвиняют в этом убийстве! – вскричал Берар, внезапно вставая и беря дочь за руки, пристально глядя ей в лицо.

– Ты?! Тебя?! – вырвалось из груди молодой девушки.

Потом она повернулась к комиссару, гордо подняла голову и сказала с негодованием так чтобы слышали все присутствующие:

– Вы с ума сошли, господа!.. Откуда подобные подозрения?.. Какие у вас улики против моего отца?

– Они обвиняют меня, – начал Берар, которому смелость дочери придала сил, – потому, что один раз, в припадке горячности, я угрожал князю Лавизину...

– Ты был неправ, я же тебе говорила, но от угрозы до исполнения – далеко. Говори при мне теперь всю правду: я хочу знать все, чтобы иметь способ защитить тебя.

– Я написал ему еще раз, сегодня, – продолжал Берар. – Я обезумел при мысли, что завтра мы должны продать любимую мебель, и нам пришлось бы покинуть этот дом, где умерла твоя мать.

– Опять угрозы?

– Напротив. Писал, что прошу его снисхождения... писал, что дойду до конца.

- Почему ты не сказал мне об этом письме?
- Потому что ты стала бы меня бранить.
- Да, это правда.
- Потом ты устала от всех этих приготовлений к отъезду.
- Правда... но ведь это еще не доказательства убийства. Что-то еще?
- Князь умер от взрыва бомбы, начиненной динамитом, – а ты знаешь, что я провожу химические исследования.
- И только?
- Только.

Глава XV

– Милостивый государь, – обратилась Жанна к комиссару стоя рядом со своим отцом, прижавшись к нему, ровным и спокойным голосом, что ей давалось огромным усилием воли. – Я не знаю, что сказал вам отец. Смущенный выдвинутым против него обвинением, он, возможно, плохо защищал себя... Позвольте мне, в свою очередь, сказать несколько слов об отце и все ваши подозрения исчезнут.

– Говорите, сударыня, – вежливо поклонился комиссар. – Общественность ошибается, когда считает, что наша миссия состоит в том, чтобы искать только преступников. Мы ищем истину, и рады найти невиновного.

– Так знайте, – повторила она, пытаясь улыбаться, – что перед вами человек невинный, как младенец. За всю свою жизнь он не сделал ничего дурного... Я слышала это из уст умирающей матери: «Когда меня больше не будет рядом, люби его, защищай, балуй его, дорогого отца... он не может обойтись без твоей заботы, твоей заботы... относись к нему как к своему ребенку».

Она остановилась, вытерла слезу, катившуюся по ее щеке, и продолжила:

– Да, мой отец со всеми его недостатками, похож на ребенка и его вспыльчивость можно моментально успокоить ласковым словом, улыбкой, поцелуем. Он угрожал князю, но когда я заметила, что это не хорошо, он был готов расплакаться, при мысли что его угрозы могли воспринять всерьез. Почему он такой в своем возрасте, а еще с расшатанными нервами? Дело в том, что он всю свою жизнь работал, работал мысленно, сердцем, без передышки, без отдыха, без успокоения... Вот и сейчас он погружен в свои книги, свои рукописи, лихорадочно ищущий, всегда ищущий, мечтающий только о новых открытиях... это не напряжение, это итог, результат, награда за его вечный труд... Надеюсь вы не думайте, чтобы он получил много денег благодаря своему изобретению... Мысль о деньгах приходит ему только тогда, когда я напоминаю ему о них. Дело также не в славе, он слишком скромн, имеет слишком простые привычки, чтобы беспокоиться об этом. Если бы вы знали, как это мешало ему стать известным... Нет, это только мечты, только стремление к прогрессу, к тому что можно еще сделать в науке, в промышленности... И эти мысли преследуют его постоянно. Одна беда: вследствие его усиленных занятий нервы слишком расстроены, откуда его вспыльчивость, но я умею успокоить его.

При этих словах, Жанна обвила рукой шею отца и, нежно поцеловав его в лоб, продолжала:

– Дело в том, что я его очень люблю, я его, можно сказать, балую, а он отвечает на это такой добротой, о которой вы даже не подозреваете... он всегда безупречно мягкий и никогда не проявляет гнева. Он просто не может рассердиться на свою обожаемую дочь, а ведь это он меня воспитал. Я никогда не посещала пансион... он научил меня всему: грамматике и наукам... он помогал сдавать мне экзамены в Виль-де-Виль... я обязана ему всем!.. Если он сегодня не богат, то это из-за меня, он пожертвовал своим положением, своим будущим... ему предлагали руководство крупными шахтами во Французской Гвиане. Ему обещали двадцать пять тысяч франков в год и долю от прибыли. Он отказался, потому что боялся что климат этих стран не подойдет прежде всего мне и не хотел оставлять меня здесь одну... он предпочел жить несчастным, но со мной, всегда присматривая за мной так, как я присматриваю за ним. Вот такой он такой хороший! Вот он какой!

Она резко остановилась и, оставив отца, приблизилась к комиссару полиции:

– Извините господин комиссар, я говорила слишком долго о себе и о моем отце... но это необходимо: вы должны это знать... знать, какого человека считаете способным на преступление. Чтобы вы лучше понимали, что совершаете ошибку, я рассказала некоторые подробности о нашей жизни. Но этого вам недостаточно... вы сейчас упомянули, кажется, что имеете неко-

торые улики... Так давайте обсудим их... вы только что сказали, что ищете правду... Давайте искать ее вместе. Вы не можете отказать дочери в защите своего отца. Вы согласны?

– Согласен, сударыня! – сказал комиссар.

Соблазненный этой убедительной речью, а также очарованный потрясающей внешностью, комиссар все еще думал о своих сомнениях.

Он сделал знак Корбину и двум его помощникам, которые тотчас удалились, и он остался один на один с отцом и дочерью.

Глава XVI

Жанна посадила отца на диван и, заняв место возле него, попросила комиссара сесть на кресло напротив.

– Если бы я доказала вам, что в ту минуту, когда совершилось преступление, мой отец был дома, что бы это давало? – начала опять Жанна.

– Безупречное алиби, основанное на неоспоримых показаниях, обычно перевешивает все остальные предположения и сводит их на нет, мадемуазель. В таком случае, позвольте уже мне задать вам вопросы. Пожалуйста, отвечайте со всей возможной искренностью.

– Конечно, я всегда говорю правду, что бы ни случилось.

– В котором часу ваш отец вышел сегодня из дома?

– Ровно в четыре. Я не могу ошибаться, потому что посмотрела на часы и сказала ему: «Поторопись! Контора будет скоро заперта».

– Куда же он шел?

– К управляющему князя, чтобы просить у него об отсрочке.

– Не было ли у вашего отца чего-нибудь объемистого в руках или карманах, когда он уходил?

– Да! Книги, которые он прихватил по привычке. Я их вытащила после его возвращения... вот они.

– А теперь сударыня, ответьте мне на еще один очень важный вопрос, но прежде подумайте: в котором часу вернулся ваш отец?

– Он вернулся без пяти минут семь. Мы обычно садимся за стол ровно в семь... И в тот вечер он не опоздал.

– Вы уверены в этом?

– Да, сэр.

– Это очень хорошо, потому что князь был убит ровно в семь часов.

Показание Жанны сначала обрадовало комиссара. Но вдруг он вынул свои карманные часы и, сверив их со стенными, сказал:

– К несчастью, ваши часы опаздывают на десять минут. Я должен принять это к сведению... этих десяти минут разницы хватило бы вашему отцу, чтобы вернуться домой...

– После убийства князя Лавизина? Не так ли? – вспыхнула Жанна. – И, совершив это чудовищное преступление, он как обычно поцеловал меня и спокойно сел обедать напротив... напротив своей дочери?

– В каком он был настроении?

– Самом раздражительном. Он кричал, проклинал князя, жаловался на его жестокость. Если бы он убил его, то, наверно, не стал бы проклипать его.

– Это правда, но ведь никто другой не присутствовал у вас во время обеда?

– Я! – сказала Жанна.

– К несчастью, ваши показания не имеют силы. Вы дочь... И вы лицо, слишком заинтересованное в этом вопросе.

Не теряя присутствия духа, Жанна начала искать новые доказательства невиновности отца. И ей показалось, что она, нашла их, потому что через мгновение она сказала:

– Князь Лавизин убит бомбой?

– Да, сударыня.

– А так как мой отец изучал химию и хорошо знает о свойствах горючих и взрывчатых веществ, и даже изобрел снаряд, а потому вы думаете, что он убил князя? Если бы человек был убит выстрелом из пистолета, и вы нашли только порох на человеке, подозреваемом в его убийстве, было бы достаточно этого для обвинения? Нет. Вы также должны найти оружие,

пистолет... вы должны узнать, откуда оно появилось у подозреваемого. Но кто же сделал ему бомбу? Каким образом она попала к нему? Вас не интересовал этот вопрос.

– Несомненно, он не лишен логической ценности, мы учтем это, мадемуазель.

Очарованный красотой молодой девушки, комиссар, видимо, смягчился и готов был уступить ей во всем, но в это время надзиратель Корбин робко приоткрыл дверь и поманил комиссара.

– Что вам нужно, Корбин? – спросил комиссар.

– Позвольте сообщить вам об одном открытии, которое я сделал... Это очень важно.

– Говорите, я вас слушаю.

Глава XVII

– Только что, поскольку был незанят, я машинально открыл шкаф, который находится в прихожей. В шкафу одежда и обувь. Я измерил размер ботинок...

– Ну?

– Они двадцать семь сантиметров в длину и девять в ширину. Они как раз соответствуют размеру следа, обнаруженного нами, возле решетки.

– Это ничего не доказывает, – возразила Жанна. – Обычный размер ноги высокого человека... Разве убийца князя не мог быть одинакового роста с моим отцом.

– Это все? – раздражительно заметил комиссар.

– Я упомянул о сапогах для того, чтобы объяснить, каким образом я сделал открытие.

– Посмотрим.

– Я уже собирался положить сапоги на прежнее место, как вдруг увидел на дне шкафа металлические предметы.

– Какие предметы? – спросил комиссар, не сводя глаз с Берара, который вздрогнул от неожиданности.

– Чугунные бомбы.

– Что?

– Я знаю, знаю, – вскричала Жанна, приходя на помощь своему отцу. – Эти бомбы – воспоминание об осаде Парижа... многие парижане до сих пор хранят их в своих домах... мы даже когда-то торговали ими. Их продавали везде...

– И вы купили их? – обратился комиссар к отцу Жанны.

– Да.

– Как сувенир?

– Нет, я купил, чтобы изучить механизм этих бомб немецкого производства.

– Сколько их у вас?

– Две, – отвечал Берар.

– Извините, их три, – вежливо заметил Корбин.

– Неправда? Неправда! – заспорил Берар.

– Вы говорите, что их три? – обратился комиссар к Корбину.

– В шкафу сыро, и эти бомбы могли заржаветь, мы их покрыли слоем масла.

– Отвечайте на мой вопрос!

– Прошу прощения. На доске шкафа виден маслянистый отпечаток третьей бомбы.

– Нет ничего удивительного: мы могли переложить одну из бомб с одного места на другое, – возразила Жанна.

– Извините, – сказал Корбин. – След от третьей бомбы гораздо меньше, оставленных двумя другими.

Комиссар встал. Он казался уже другим человеком. Очарование исчезло.

– Я сейчас сам все там осмотрю, – сказал он тихо, и, сопровождаемый Бераром, пошел в переднюю.

Несколько минут было достаточно, чтобы увериться в словах своего помощника. Он отдал приказание запереть шкаф и чемоданы, полные книг и химических материалов. В то же время секретарь собирал бумаги и письма Берара, вместе с черновиком письма, адресованного князю Лавизину. А затем запечатал этот пакет, предназначенный для следователя, чтобы передать ему документы в целостности и сохранности.

Жанна стояла молча, обняв отца, смотрела на то, что происходит. Когда она заметила, что комиссар делает какой-то знак Корбину, подошла к комиссару и сказала ему:

– Если вы отправляете моего отца в тюрьму, умоляю вас, позвольте мне последовать за ним.

– Успокойтесь сударыня, ваш отец проведет остаток ночи у себя, возле вас, но за ним будут присматривать агенты.

– А завтра? – спросила Жанна.

– Завтра правосудие исполнит свой долг, как я выполнил свой.

– И я исполню свой, защищая его до конца моей жизни! – вскрикнула Жанна, обняв убитого горем отца.

Глава XVIII

Немногие помнят эту историю, хотя она в свое время наделала много шума. Париж забывчив: уже завтра он забудет то, что творилось сегодня. Он спокойно переходит от одной новости к другой и не может надолго сосредоточиться на одной теме.

Со своей стороны, мы считаем, что должны напомнить, насколько это возможно, об этой истории. Поскольку она основана на реальных фактах, измените имена главных героев, измените некоторые детали, и те, у кого будет соблазн вспомнить, найдут эти факты. Мы не сожалеем об этом, ведь нас вынуждают так поступать чувство приличия и уважение к некоторым трагедиям.

Уж слишком необыкновенная была эта история, и слишком долго она занимала внимание общественности. На протяжении целой недели, во всех слоях общества только и говорили, что об убийстве князя Лавизина. Имя жертвы, хорошо известное в высшем обществе, таинственный мотив преступления, необычный характер обвиняемого, в котором сочетались мечтатель и ученый, наконец, слухи о поразительной красоте Жанны возбуждали всеобщее любопытство и удивление.

Многие видели в этом убийстве нечто политическое, потому что князь Лавизин, в бытность свою в России жестоко преследовал анархистов. Связанные с этим угрозы и отъезд князя из Санкт-Петербурга, где он опасался за свою жизнь. Но следственный пристав, которому было поручено это дело, видел в нем самое обыкновенное убийство, личную месть. Он сразу отказался от версии по политическим мотивам.

Между тем, Жанна энергично защищала отца. В эту защиту она вложила свое сердце, ум и душу. Ее несколько раз выслушивал судебный следователь и позволил ей оспаривать все пункты обвинения. Но ни ее красноречие, ни ум, ни поразительная красота не принесли никакой пользы обвиняемому. В глазах судей Берар – неудачник, которому в жизни ничего не удалось добиться, больной, раздраженный своей бедностью и несчастьем, ревнующий к счастью и богатству других, в минуту раздражительности убил князя Лавизина. Они не хотели рассматривать это дело в политической плоскости и переносили его в социальную сферу. Также отказывались видеть в Бераре анархиста, зато делали из него своего рода социалиста, еще более опасного, поскольку он замкнулся в себе.

В то же время обвинение намекало на то, что месть, возможно, была не единственным мотивом преступления, смерть князя избавила Берара от преследований, от строгих взысканий, по крайней мере, на тот момент. Он оставался в своем доме, и на следующий день его мебель не продали, у него было время расплатиться а, возможно, никогда не выплачивать долг, если наследники проявят снисхождение.

Это было настолько очевидно, что сомневаться или подозревать кого-либо другого, было бы даже безрассудно. Только один человек в Париже имел основание смотреть на убийство князя Лавизина с другой точки зрения, – этот человек был барон де Мерье. Он также верил в виновность Берара, но вместе с тем ему приходила в голову мысль, не был ли Берар только слепым орудием для совершения преступления в руках других. Эта мысль так занимала его, что он даже нанес визит князю Орсилову, к тому моменту уже вернувшемуся в Париж.

– Не правду ли я говорил вам, что князь Лавизин проживет не долго? – встретил Орсилов барона подобным вопросом.

– Его убили политические враги? Как вы думаете?

– Не думаю, – отвечал князь Орсилов. – Их опередил этот безумный Берар, доведенный до отчаяния его суровостью. Князь проявил такую же неумолимость, строгость и жестокость в частном деле, какую выказывал занимаясь политическими делами в России. Да что вам

за дело до того, как и кем убит князь. Он умер, княгиня вдова, и через год-два вы женитесь на ней.

– А вы думаете это так просто?

– Для вас – да. Она способна на любую глупость ради любви к вам.

– Что вы об этом знаете?

– Я знаю все. Благодаря этой смерти, – продолжал князь с невозмутимым хладнокровием, – наше «общее» дело пойдет отлично. Пятьдесят миллионов почти в наших руках, поэтому я считаю необходимым вручить вам завтра новую ссуду.

Князь и барон учтиво раскланялись.

Глава XIX

С самого утра, в судебной палате шло разбирательство дела Берара.

Но сейчас уже восемь часов вечера. Прикрепленная к потолку бронзовая люстра, слабо освещает большой зал. Воздух тяжелый и душливый от тесноты в зале. Публике было почти невозможно проникнуть в зал заседаний, но никакие полицейские заграждения не могли остановить ее. Места брались с бою. Кресла отведенные для свидетелей, для нескольких привилегированных лиц, были заняты простой публикой. На скамье адвокатов, на скамье журналистов сидели незнакомые люди. На возвышении, позади председателя и членов суда разместилось порядка пятидесяти человек из числа депутатов, сенаторов. Дамы высшего круга, преимущественно русские, едва могли добраться до решетки, отделяющей публику от свидетелей. Многие разместились возле адвоката, и эта толпа, состоящая из разнородных элементов, утомленная долгими дебатами, раздраженная, взволнованная, находится в крайней степени возбуждения. Она внимательно ждет последнего слова председателя. Адвокат говорит свою последнюю речь горячо и красноречиво. Он изыскивает малейшие обстоятельства, чтобы доказать невиновность своего клиента, убеждает судей обратить внимание на его возраст и семейное положение... Подсудимый, бледный, измученный, очевидно сильно страдая и тщетно старается избежать любопытных взглядов публики. Но он – центр, около которого вращались не только взгляды, но даже мысли и чувства толпы... Разбитый, уничтоженный несчастьем, он находил единственную отраду, взглянув на дочь. Полная энергии Жанна, беспрестанно напоминала ему по ходу процесса: «Отвечай! Протестуй! Защищайся!» Эта молодая девушка, несмотря ни на что, сохранила присутствие духа, энергию и хладнокровие. Она искала факты, давала советы адвокату и ободряла отца, не редко позволяла перечить даже прокурору республики. Публика, присяжные, свидетели, судьи, все восхищались ее красотой, и еще больше удивлялись ее энергии и уму.

Наконец закончив свою речь, председатель обратился к присяжным и предложил им вопрос: «виновен ли Жан Берар, пятидесяти двух лет, в преднамеренном убийстве русского подданного, князя Лавизина». Напоминая о необходимости соблюдать клятву, не предавать интересы общества или обвиняемого и свободно высказывать свое мнение.

Присяжные удалились в совещательную комнату. Прошло полчаса, час... наконец, раздался звон колокольчика. В зале воцарилась мертвая тишина... Председатель спросил присяжных о результатах их совещания. Старшина присяжных встал и, положив руку на сердце, сказал взволнованным голосом: «Да, виновен, но заслуживает снисхождения». По залу пробежала волна ропота. Публика явно волновалась. Взволнованная Жанна хотела что-то сказать, но защитник взял ее за руку и умолял успокоиться. Ввели подсудимого. Один взгляд, брошенный на дочь, позволил ему догадаться о своей грустной участи. Председатель предоставил подсудимому последнее слово, но Берар молчал. Тогда председатель встал и громко объявил приговор. «На каторжные работы, пожизненно». Бледная, со сверкающими глазами Жанна поднялась со своего места и, обращаясь к присутствующим, сказала дрожащим голосом:

– Господа, вы обвинили невинного!

Глава XX

Судебные прения окончились так поздно, что Жанна не могла получить разрешение повидаться с отцом в тот вечер. Тем не менее она отправилась в Консьержери, и попытался договориться. Только тюремные правила не допускают посещение в ночное время. Измученная физически и нравственно, она вернулась в свою новую квартиру, на улице Сент-Оноре.

После ареста ее отца у нее не хватило смелости вернуться в дом на бульваре Курсель. Одна, лишенная отца, она ушла, оставив мебель и другие предметы, которые напоминали ей о более счастливом времени в ее жизни на усмотрение правосудия, полиции и судебных приставов, забрав с собой только несколько портретов, несколько памятных и бесполезных сувениров, на которые люди закона не обратили внимания.

Несколько последних месяцев она буквально жила в здании суда, в доме адвоката, а затем в Консьержери. Девушка полностью посвятила себя защите своего отца, с одной мыслью: доказать невиновность, спасти.

Увы! Все ее усилия привели к ужасному приговору.

А потому она не смогла уснуть той ночью. Успех, радость, возможно, тоже не давали бы ей заснуть, но боль уничтожала ее. Она упала побежденная, разбитая на кровать и пыталась заснуть и забыться на несколько часов, получить несколько часов отдыха, о котором она давно забыла, но не могла... не давали ее растревоженные нервы, ее мучительное воображение, лихорадка мыслей, которая пожирала ее, на протяжении трех последних месяцев.

Какой ужасный финал! Все было кончено, отец был обречен, его должны отправить за океан, подальше от нее! Он обречен на самую убийственную, бесконечную работу, ученый человек! Обречен жить с преступниками, несчастный, такой добрый, такой застенчивый, такой нежный! Приговорен к тому, чтобы его заживо похоронили в могиле!

А какое будущее ее ждет! Осталась одна на свете. Потому что она не знала ни родственников, ни подруг. Ее отец жил очень уединенно, и она всегда жила с ним, рядом и благодаря ему!

А материальная жизнь, хлеб насущный – как его обеспечить, когда ее последние запасы, сто франков закончатся?

Она надеялась найти работу, давать уроки, или устроиться, например, учительницей? Но кто осмелится доверить своих детей Жанне Берар, дочери убийцы, каторжника?

Сидя на стуле посреди комнаты, скрестив руки на груди, неподвижно вперив взгляд в одну точку, она размышляла об этом и на мгновение мелькнула мысль о самоубийстве... Но нет! Нет! Она не имеет на это права! Ей все еще нужно защищать его, попытаться смягчить его положение, помочь ему перенести его несчастье. Она не могла отказаться от того, кого ей доверила мать, от того, кого ей нравилось называть своим большим ребенком. Ей нужно было победить свои слабости, стряхнуть с себя оцепенение, вернуть себе энергию, жить для него.

Наступало утро. Она вдруг встала, стремительно оделась. Ей захотелось увидеть его, увидеть немедленно, у тюремщиков не хватило бы жестокости снова закрыть перед ней дверь тюрьмы. Неожиданный звонок в дверь заставил ее остановиться. Может быть адвокат, который, из милосердия, пришел, чтобы принести ей несколько слов утешения.

Она открыла дверь.

На пороге стоял незнакомый мужчина лет тридцати двух-тридцати пяти, высокий, стройный, элегантно одетый, с отличными манерами и прямым взглядом.

– Кто вы и что вам угодно? – спросила она гостя.

– Я, сэр Уильям Хэнли Гардинер, – робко и почтительно ответил незнакомец с легким английским акцентом.

– Я не имею удовольствия быть знакомой...

– Вы не знаете Уильяма Гардинера из Нью-Йорка?

Повторенное дважды, это имя поразило ее. Жанна вспомнила, что кто-то произносил при ней это имя, но ей было не до гостей.

– Простите, ваше имя мне не известно, и я очень спешу...

– Вы, наверное, собираетесь повидаться с вашим отцом?

– Да!

– Что ж, это в его же интересах, отложите на несколько минут, ваш визит... я хочу поговорить с вами о нем.

– О нем?

– Да, предложить вам спасти его.

Глава XXI

Жанна, в изумлении провела гостя в крошечную комнату, служившую одновременно столовой, прихожей и гостиной, и, указав ему на единственный свободный стул, просила назвать причину его визита. Сэр Хэнли Гардинер сел, вытянул свои длинные ноги, которые он, видимо, не знал куда девать, и ответил:

– Понимаю, сударыня, ваше нетерпение, и очень хочу поскорее удовлетворить его. Но предложение не имеет никакой ценности и не внушало бы вам ни малейшего доверия, если я сперва не расскажу о себе.

– Я слушаю вас

– Я имею счастье или несчастье быть одним из самых богатых людей во всем мире. Я точно не знаю, какова цифра моего состояния, но один из Ротшильдов, недавно сказал мне: «Сэр Хэнли Гардинер, я полагаю, что вы богаче нас».

– Зачем вы мне это говорите? – прервала его Жанна.

– Не подумайте, что я говорю об этом из хвастовства. Но если вы узнаете обо мне подробнее, то убедитесь, что я не только не горжусь моим состоянием, напротив, это сильно стесняет меня, и самое ужасное, что мое состояние растет с каждым днем. Я издаю три больших журнала в Соединенных Штатах. Издание дает мне от двенадцати до пятнадцати тысяч франков ежедневно... я не могу их даже потратить, а они ежегодно увеличивают и без того гротескный капитал.

Ей не терпелось повидаться со своим отцом, а потому она явно нервничала, и наконец прервала его, словами:

– Понимаю, – вы богаты, очень богаты... умоляю, что дальше?

– Дальше, – продолжал гость, собираясь скрестить ноги. – Вчера мне пришла в голову идея, отправиться в судебную палату, чтобы присутствовать во время суда над вашим отцом. Я был заинтересован когда случайно увидел у своих редакторов материал, хотел выяснить, как они работают, хорошо ли они делают свое дело и готовят для отправки в Америку сенсационный материал... а также я надеялся немного развлечься... мне ведь нужно развлекаться, особенно когда одолевает скука.

– Вы называете это развлечением? – сказала она. – Смотреть, как судят несчастного!

– Я не знал вашего отца раньше и просто отправился в суд посмотреть на осуждение обыкновенного убийцы... Я приехал довольно рано, хотя у здания суда была уже огромная толпа, но передав свою карточку председателю присяжных, смог занять место как раз против обвиняемого.

– И вы развлеклись? – с горечью заметила Жанна.

– Нет, мадемуазель, нет! Сначала я заинтересовался процессом, но потом был тронут до глубины души. Когда я взгляделся в лицо вашего отца, услышал его голос, то сказал себе: «французское правосудие думает, что оно лучшее в мире и часто смеется над американским, но сегодня оно совершает непростительную ошибку. Этот человек невинен!»

– Не правда ли? – вскричала Жанна, подвигаясь к сэру Гардинеру.

– Затем вас вызывают, как свидетельницу и... не хмурьтесь, я не намерен говорить комплименты, я вижу в вас только убитую горем дочь, достойную всякого уважения... Слушая вас, наблюдая за вами, думаю: «Она искренна. Она знает, что ее отец невинен и хочет спасти его, любой ценой».

– Это правда? Если бы он был виновен, я бы защищала его, наверное, но совсем другим образом.

– Вы не вложили бы в защиту всю вашу душу, – подхватил он, – вы нашли акценты, которые взволновали меня до глубины души. Судьи не поняли этого... присяжные, публика.

– А вы? Вы поняли?

– Конечно.

– Благодарю вас, – сказала молодая девушка. – Если бы вы пришли сюда только ради того, чтобы сказать мне об этом, я вам очень благодарна.

– Но я пришел по другому поводу!

Глава XXII

Сэр Хэнли Гардинер снова подобрал свои длинные разъезжающиеся ноги и продолжил английским акцентом, который не имел ничего неприятного, но только увеличивал оригинальность американского Ротшильда.

– Из всего, слышанного на суде, я сделал заключение, что свидетели ошибались. Я твердил себе: «Они ошибаются, они сошли с ума». Вскоре выступил генеральный прокурор, но обвинительная речь превратила честного труженика в ленивца и негодяя, и наконец, в преступника. Я все время следил за вами и видел, чего вам стоило выслушивать подобную несправедливость. Я не спускал с вас глаз, я читал все ваши мысли на вашем лице: кровь то прилиwała к вашим щекам, а затем вы внезапно бледнели, а по телу пробежала дрожь... я видел момент, когда ваше возмущение вот-вот вспыхнет... мне кажется, я с трудом сдерживал свое.

– Спасибо, сэр.

– Когда заговорил адвокат, его слова проникли мне в душу, так они были теплы и искренни. Какие хорошие вещи он им сказал! ... казалось он открыл им глаза!.. храбрый человек, отличный человек!.. Я с удовольствием пожал ему руку во время перерыва и сказал: «до сих пор, я избегал процессов, но теперь если буду вести их, хотел бы, чтобы вы защищали мои интересы...»

– Продолжайте, продолжайте, – нетерпеливо сказала Жанна, внимательно вглядываясь на него возможно впервые, с тех пор, как он появился здесь.

– С каким нетерпением ждал я и приговора присяжных... и жестокий вердикт поразил меня. Я готов был закричать вместе с вами: «Господа! Вы осудили невинного!» Я не закричал это на суде, но голос мой услышит целый континент. Вы читаете по-английски?

– Читаю.

– Вот копия с депеши, посланной вчера вечером в Соединенные штаты.

Жанна прочла:

«Жан Берар, обвиняемый в убийстве русского подданного князя Лавизина, приговорен к каторжным работам без срока. Жан Берар „не виновен“. Это очевидно».

– Кому же вы послали эту депешу?

– Я послал ее в Америку, редакторам моих журналов... у меня протянут кабель... он связывает мою рабочую фирму в Париже и всех моих редакторов в Соединенных Штатах и Калифорнии... это позволяет мне быстро передавать информацию и общаться с ними и всегда быть дома там, где я нахожусь... Сегодня сто тысяч парижан читают теперь, что ваш отец виновен... А миллион американцев читает в то же время, что он невиновен... есть разница?

– Благодарю вас! – проговорила Жанна. – Позвольте пожать вашу руку, как другу.

– Я с восторгом принимаю вашу дружбу, – сказал сэр Гардинер, крепко сжимая руку молодой девушки. – Теперь, давайте поговорим о другом. Я приехал предложить вам, как спасти вашего отца. Мое время, влияние, состояние, все к вашим услугам.

– Еще раз благодарю, но... – сказала Жанна, смущенно.

– Вы боитесь меня? Не опасайтесь! Я человек очень честный, поверьте, также как и вы очень честная девушка... поверьте мне... вы уже немного меня знаете... и вчера я поверил вам, хотя совсем вас не знал.

– Я могу в это поверить, – сказала она. – Но мне все-таки хотелось бы знать, почему?

– Почему я так предан вам? Право, я и сам не отдаю себе в этом отчета. Принимайте меня за сумасшедшего, за эксцентричного дурака, за кого хотите... Но какое вам дело до моего безумия, если оно поможет вам вернуть отца.

– Тоже верно, – согласилась Жанна, улыбаясь. – Давайте будем действовать вместе!

Глава XXIII

Теперь они сидели друг напротив друга и смотрели откровенно, без задней мысли, как давние друзья. Какое-то внутреннее чувство, интуиция подсказывали Жанне, что она может положиться на этого незнакомца, который так неожиданно предложил ей свои услуги, что же касается до сэра Гардинера, он был покорен ясным умом и любящим сердцем молодой и красивой девушки.

– Ваш отец осужден, – заговорил он снова без особой серьезности, потому что, несмотря на все странности, он умел весело говорить о самых печальных вещах, – осужден, но еще не все потеряно... Согласен, что обманывать – это плохо, но ведь есть пословица: «Нет худа, без добра». Можно подать на кассацию. Вы думали об этом?

– Конечно, и мой адвокат думал, но потом пришел к убеждению, что кассационная палата не отменит приговор суда присяжных. Он, по-видимому, не видит никаких серьезных причин для отмены.

– Я буду искать и найду!.. Я изучал ваш уголовный кодекс, путешествуя по морю на моей яхте из Франции в Америку. Если бы вы знали, какая у меня яхта! Она больше французского фрегата и шестьдесят два раза перевозила меня из Гавра в Нью-Йорк и обратно. Это очень недолгое путешествие, но очень веселое... Мы обязательно отправимся на ней вместе с вашим отцом, когда он будет свободен...

– Прежде, чем ехать с ним в Америку, – грустно улыбнулась Жанна и коснулась его руки, – давайте постараемся вытащить его из тюрьмы.

– Правда, правда. Я слишком много болтаю. Мои речи такие же длинные, как и мои ноги. Если бы вы знали, как эти ноги меня смущают... Не могу придумать, куда их девать...

– Пока задвиньте их под стул, и продолжим разговор.

– Я думаю отправиться в кассационную палату и объяснить с советниками, чтобы найти необходимые нам причины для пересмотра дела. Они поспешат признать правильность моих доводов и отменят вчерашнее решение... а вашего отца будут судить с новым составом присяжных, который на этот раз оправдает его... это дело на три месяца.

– Как вы все быстро устроили! – улыбнулась Жанна. – А вы сомневаетесь когда-нибудь в успехе?

– Извините. Сомневаюсь, чтобы меня полюбили ради меня, а не моих денег. Женщины находят мои ноги слишком длинными, я точно хожу на ходулях... Кроме любви, я ни в чем не сомневаюсь, и уверен, что преодолею любые препятствия для спасения вашего отца.

– Какие средства вы будете использовать?

– Обыкновенные. Судьи тоже люди как и все остальные, а я знаю, чем можно покорить людей.

– Чем же?

– Деньгами.

– Едва ли у вас это получится.

– Почему же, я всегда добивался своего в Америке?

– Но мы во Франции...

– Вы думаете, что ваши судьи стоят выше наших?

– Уверенна.

– Мне было бы любопытно взглянуть на это.

– Вы увидите... К счастью для моей страны, к сожалению для меня.

– Они несправедливо осудили вашего отца, а вы их защищаете?

– Почему бы нет? Они думали, что судят справедливо, но ошиблись. Я их не обвиняю, но жалею.

- Вы странная девушка.
- Нет. Но у меня в глубине души есть чувство справедливости.
- Значит, вы не принимаете мои средства?
- Кто вам сказал? Мой отец – прежде всего. Если удастся спасти его, любым способом, я буду всю жизнь вам обязана.
- Отлично! Сегодня же начну действовать.
- А я, – сказала Жанна, вставая, – принесу утешение и надежду несчастному узнику.

Глава XXIV

Вернемся теперь к барону де Мерье и княгине Лавизиной. Страшная смерть мужа, неожиданное вдовство не потушили безумной страсти княгини, благодаря умелому обхождению барона де Мерье. Предвидя, какое сильное эмоциональное впечатление должна была произвести на княгиню такая катастрофа, он сказал:

– Моя любовь и уважение к вам, равно как и к себе, призывают к большей скрытности. Вы теперь на виду, на вас смотрят со всех сторон. Не давайте повода для еще большего внимания любопытных и их злобных обсуждений. Все ваши поступки станут известны, а оплошности – попадут в прессу. Берегите, вашу репутацию... сейчас весьма печальное время... и я хочу предостеречь вас. Вскоре общество забудет о вас, и мы возобновим наши встречи. Разве у нас впереди не целая жизнь, чтобы любить друг друга?

Прекрасный актер, знаток женских сердец говорил ей нежно советы, которые заставляли ее страдать и вместе с тем видеть в них доказательство «бескорыстной и самой горячей любви». Княгиня все больше осознавала, как ее сердце билось в такт ее чувствам.

Не довольствуясь словами, барон де Мерье хотел проверить, что София Лавизина не может обойтись без него. Под предлогом важных дел, он отлучился на несколько дней из Парижа и вернулся только после того, как получил несколько страстных, компрометирующих писем княгини, которые решил сохранить. Временами княгине казалось, что ее бросили, что у нее есть соперница, и тогда измученная ревностью, она готова была бежать к барону, пасть перед ним на колени и молить о любви. На этом чувстве, кажется, держалось все ее существование. И вот, когда он уверился в своей победе и в том, что княгиня Софья находится в полной его власти, он вернулся в Париж. После того, как он заставил ее пройти через различные этапы испытаний: любовь, воздержание и лишения, когда он увидел ее покорную и жаждущую любви, когда он сам почувствовал себя отдохнувшим, готовым снова отправиться в сельскую местность и покрыть себя славой, он однажды сказал ей тем страстным голосом, который, как он знал, можно использовать по своему желанию:

– Жертва, на которую я обрек себя, выше моих сил... Я не могу жить без вас, не могу являться в вашу гостиную как чужой и скрывать наши отношения перед другими... Не можем ли мы, хотя бы на некоторое время, удалиться от людей, от света, жить в одиночестве, бок о бок, любить друг друга без всякого стеснения, свободно, безумно?

– Да! Да! – взволновано воскликнула княгиня. – Это мое самое сильное желание, моя единственная мечта. Почему бы нам не сбежать из Парижа вместе, и не отправиться путешествовать? Ничто не держит меня в Париже, даже этот процесс. Председатель уволил меня от необходимости давать свидетельские показания. Он будет доволен, если я отправлю ему письменные показания. Едем же... сегодня, завтра, когда хочешь... в Италию, Швейцарию, Испанию.

– Нет, друг мой, я не соглашусь путешествовать с вами. В гостиницах, где мы будем останавливаться, вы не сможете скрывать вашу личность... Вас узнают тотчас же, точно также как и меня, но я придумал другой план. Мы удалимся на берег моря, будем жить в какой-нибудь деревушке, под чужими именами, просто, скромно, не привлекая к себя внимания. Никто не будет знать о нашем убежище, никто не побеспокоит нас.

– Едем! – согласилась княгиня, как в бреду.

И они выбрали маленький уединенный домик на нормандском берегу, расположенный в красивой деревушке Вокот между Этретой и Ипортом.

И никогда еще их ни на минуту не прерывавшаяся любовь, оживленная воздержанием, укрепленная морским воздухом, не была столь пылкой.

Княгиня забыла обо всем: общественном положении, состоянии, смерти мужа... Она жила только для барона, жила им... Что же касается его, он, напротив, не забывал ничего и часто говорил себе: «Князь Орсилов прав: наконец, я женюсь на миллионах».

Глава XXV

Согласно обещанию, данному Жанне Берар, сэра Хэнли Гардинера хотел отправиться в кассационную палату для того, чтобы добиться изменения судебного приговора, но посоветовавшись с несколькими адвокатами, пришел к убеждению, что причины, на которые надо сослаться для пересмотра, не могут быть признаны серьезными. Наказание каторжными работами применялось к преступлению, в котором присяжные признали Берара виновным, председатель в ходе процесса не допустил ни малейшей ошибки, на которую могла бы указать защита. Короче говоря, все предписанные законом формы были соблюдены, а в уголовном деле, кассационная палата обращает внимание только на форму. Не надеясь прийти к благоприятным результатам путем законным, сэра Гардинер вернулся к своей первой идее – действовать по-американски, то есть, не обращаться к судьям, как людям закона, а затронуть их страсти и чувства, заставить забыть о совести. Для того чтобы достичь этого, он прежде всего хотел лучше узнать своих противников, их привычки, наклонности, страсти, пороки, одним словом, слабую струну каждого, чтобы нанести удар наверняка.

Друзья, которых у Хэнли было немало, сообщили ему, что из числа двенадцати судей, которые в кассации будут обсуждать дело Берара, по крайней мере, пять были неподкупны, и что было бы неразумно покушаться на их совесть. Между семью остальными, четверо обычно играли пассивные роли из-за своих преклонных лет, своих мнений они не имели, а основывали их на взглядах сослуживцев, наконец, последние три, к счастью сэра Хэнли, были способны подчиниться некоторому влиянию. Он тотчас, решил нацелить на них свои «орудия», но, будучи человеком опытным в подобных делах, он решил, что постарается как можно меньше компрометировать себя лично. Гардинер хотел руководить действиями, в интересах мисс Берар, но при этом не раскрывать свою личность. Он считал, что в первую очередь лучше уделить внимание не самим юристам, а их родным и людям, которые их окружают, чтобы повлиять на их умы, сердца или чувства, три самых уязвимых направления. Он запустил новое расследование, которое позволило ему собрать следующую информацию.

Мистер Х., простой заместитель судьи в провинциальном суде, женился на довольно красивой, но при этом довольно амбициозной женщине, которая, лестью перед начальством, обеспечила мужу продвижение по службе. Однако она не довольствовалась должностью мужа в качестве советника при кассационном суде, этим маршальским жезлом, которому завидуют многие женщины в магистратах, и мечтала о более высокой должности, которая бы позволила ему еще на протяжении еще тридцати лет продвигаться вперед, о чем сам муж даже не догадывался. Сэра Гардинера направил к этой жаждущей почестей женщине ловкого и умелого переговорщика, которому было поручено открыть ей глаза на самые перспективные горизонты, если она согласится оказать ему поддержку в этом деле.

Господин У., второй советник, отличный работник, безупречной честности, женился на свою беду на очень очаровательной, но весьма расточительной девушке, которая весьма быстро состояние мужа превратила в долги, так что у них не было даже денег для того, чтобы заплатить ее портнихе. Долги были столь велики, что ее даже стали преследовать кредиторы. Одной старой подруге, преданной сэру Гардинеру, было поручено предложить этой даме свои услуги в обмен на услугу, о которой речь позже пойдет.

Еще один из председательствующих лиц кассационной палаты, некто М., оставался, несмотря на годы, холостяком, и расточительно пользовался неограниченной свободой и слыл большим любителем хорошеньких женщин. Сэра Гардинера собрал все фотографические карточки, полученные им от разных женщин, проанализировал факты, кого они изображали, и тотчас же отправился в улицу Менье к красавице Леонтине или для друзей Леа, о которой говорили, что она неотразима.

Глава XXVI

Было около двух часов пополудни, и Леа только что встала с постели, когда горничная доложила ей о сэре Хэнли Гардинере.

– Гардинер! – вскричала Леа. – Какой сюрприз! Проси его скорее. Хотя постой. Сначала подай мне мой новый белый халат из белого атласа с красной подкладкой.

Она, очевидно, хотела предстать перед гостем в самом изящном костюме. Накинув роскошный халат, Леа посмотрела в зеркало и, нашла себя очень интересной, отдала приказание вести сэра Гардинера.

– Ах, это ты, мой друг! – воскликнула она, увидав гостя. – Очень мило, что ты вспомнил свою маленькую Леа, – и молодая женщина подняла обе руки, собираясь броситься ему на шею.

Сэр Гардинер заметил движение и поспешно уселся на стул.

– Как? – заметила с досадой Леа. – Так ты меня принимаешь?

– Позвольте вас уверить, моя дорогая, – ответил американец, – что в настоящую минуту это вы принимаете меня.

– Значит, это только простой визит вежливости?

– Деловой, если не возражаете.

– Деловой? Какие дела могут быть между нами? Уж не разорился ли ты? Может приехал просить у меня займы? – рассмеялась она.

– Напротив, приехал предложить денег.

– А-а-а! Лучшего ты не мог ничего придумать, мой ангелочек... Вообрази, что я должна была продать все драгоценности, которые ты подарил мне в прошлом году. Мне было ужасно тяжело расставаться с ними, но что делать? Парижане становятся очень скупыми, и если бы у нас не было американцев, мы пришли бы в отчаяние... О каком деле хотел ты поговорить?

Чтобы лучше слышать, она хотела сесть рядом с ним, но он вытянул ноги так, что она не нашла себе места и была вынуждена занять соседний стул.

– Мне нужна сообщница в деле, от которого зависит участь человека... И я тотчас же вспомнил о вас. Я уверен, что вы можете свести с ума мужчину, чтобы добиться того, что я хочу...

– Чтобы соблазнить ее?

– Точно.

– Забавная идея!.. И ты веришь...

– Я верю, – продолжал он, не глядя на нее, – что с вашими палевыми глазами, вашими рыжими волосами, спускающимися до самых бедер а еще, с вашим невероятными губами! Словом, я верю, что вы легко сможете свести с ума мужчину, о котором идет речь.

– Он не похож на тебя?

– Зачем вам нужно, чтобы эта особа походила на меня?

– Ты такой милый, и так хорошо знаешь меня, ни в чем не отказываешь.

– Когда-то я все это потерял.

– Всего восемь дней, – сказала Леа с упреком.

– Успокойтесь. Через несколько дней, вы получите от этого судьи все, что захотите.

– Он судья?

– Да.

– Молодой?

– Сердцем – очень.

– Роба?

– Так себе.

– Богат?

- Это вас не касается... Если он не богат, то у меня достаточно денег.
- Мне нужно потрудиться над его судейской совестью?
- Вы прекрасно меня поняли... вы умница.
- Да, это забавно! Соблазнить человека, с золотой шапочкой и горностаем на плечах, который смотрит на нас с высоты своей трибуны. И вместо того, чтобы говорить, «госпожа Леонтина!», он будет говорить «мадемуазель Леа!» Признаюсь, я буду очень рада видеть у своих ног этого законника. Ты же не хочешь, чтобы я довела дело до крайности?
  - Я хочу только одного, чтобы он сделал то, чего я попрошу.
  - Отлично! Я буду держать его за руку, он будет паинькой... теперь дай мне инструкции как начать осаду «законности и правосудия».

Глава XXVII

Когда Леа узнала о характере и привычках человека, которого ей предстояло атаковать, она мигом составила план кампании. Опытная соблазнительница предпочла бы завоевать американца, но представитель далекой страны сэр Хэнли Гардинер, похоже, решил оказать на сей раз решительное сопротивление. Она рассчитывала однажды застать его врасплох, когда он расслабится, спровоцировать чистую случайность, так как обычно американский журналист отлично защищался, чем вынуждал ее еще больше уважать себя.

Леа, несмотря на вполне естественное желание связать свое будущее с таким состоятельным мужчиной, как сэр Гардинер, тем не менее, была вынуждена оказывать ему услуги. Она знала по опыту, что он очень щедр, но предпочитает не волочиться за женщинами?

В одно прекрасное утро отлично экипированная Леа отправилась в улицу Лиль, в ветхий дом, занимаемый председателем М. Привыкшая к маленьким уютным комнаткам своей квартиры, с низкими потолками и хорошо освещенными комнатами, Леа даже почувствовала легкую дрожь, когда очутилась в огромной передней с потолками в пять метров в высоту, окруженной старинными деревянными панелями, украшенную мраморными колоннами, между которыми размещались огромные бюсты Цицерона, Демосфена и других ученых ораторов.

Она ждала около четверти часа, пока докладывавший о ней старый слуга, похожий на прокурора, объявил, что господин председатель согласен принять ее. Следуя за лакеем, Леа очутилась в кабинете, который по объему был еще больше передней и такой же мрачный и холодный.

Председатель сидел за столом, заваленным книгами, свертками бумаг, письмами и папками. При появлении Леа он привстал со своего кресла и, взглянув на нее краем глаза, указал гостье на кресло напротив.

«Он старый и безобразный, как чучело, но я приехала не за тем, чтобы веселиться, а исполнить поручение Хэнли», подумала молодая женщина.

– Вам было угодно видеть меня? – важно начал председатель.

Леа хотела сменить холодный тон, который ее смущал, и ответила с улыбкой:

– Прежде всего, позвольте мне сказать, что я приехала не к председателю кассационной палаты, и у меня нет никаких дел и процессов, но к любезному владельцу загородной дачи в Мезон-Лафите... Я хотела бы снять вашу дачу.

– Сударыня, – по-прежнему важно и сухо ответил председатель... – Я не занимаюсь подобными делами... У меня есть управляющий. Он живет в Мезон-Лафите! Не угодно ли вам обратиться по этому вопросу к нему.

– Я говорила с ним, он просит слишком дорого, и мне показалось что вы, можете сделать некоторую скидку.

– Я никогда не даю скидок, – сухо заметил председатель.

– Даже женщине? – спросила она, бросив на законника выразительный взгляд.

– Даже женщине, – отвечал он, делая вид, что не замечает ее взгляда.

Леа, несмотря на свой апломб, совсем растерялась... Ей говорили, что председатель человек черствый, суровый. Никогда улыбка не озаряет его тонкие, сухие губы. Его можно принять за мраморную статую на пьедестале, но когда перед ним появляется хорошенькая женщина, статуя оживает и спускается.

Леа убедилась, что говорили неправду. Статуя никак не сходила, а пьедестал словно вырос, и принял размеры колонны.

– Ваша дача мне так нравится, что я, очень хотела бы ее снять, – заметила, наконец, Леа.

– Как вам угодно.

– Вы позволите побеспокоить вас в другой раз?

- Напрасно. Передайте ответ моему управляющему.
- Хорошо. Завтра еду в Мезон-Лафит, – сказала она раздраженно.
- Как вам будет удобно, мадам.

Председатель молча встал, давая понять, что аудиенции кончилась.

В тот момент, когда Леа собиралась уходить, кто-то чихнул. Она оглянулась и увидела на другом конце кабинета человека лет тридцати, который сидел за столом, но его не было видно за колоннами. А огромные кипы бумаг и книг совершенно скрывали его из вида.

– Отлично! Статуя не пожелала сойти с пьедестала потому, что здесь был посторонний!! Посмотрим, что будет завтра! – подумала она.

Глава XXVIII

На следующий день, в воскресенье, Леа оделась очень скромно, но с большим вкусом и отправилась на двухчасовом поезде в Мезон-Лафит.

Добравшись до поместья, она позвала к себе управляющего.

– Мне бы хотелось еще раз осмотреть дачу, которую вы показывали мне накануне, – сказала она.

– Сделайте одолжение, – отвечал тот, – кстати, и хозяин здесь. Он приехал провести день в своем доме.

– Я так и думала, – протянула Леа.

Через мгновение она позвонила у садовой калитки. Ее открыл сам господин М.

Это был уже совсем не тот человек, которого Леа видела вчера, фея преобразила его, словно по мановению волшебной палочки. Длинный черный сюртук, наглухо застегнутый, сменился светлой курткой. Голову покрывала соломенная шляпа с широкими полями. В петлице красовалась прелестная бенгальская роза. Мрачная физиономия превратилась в веселую гримасу.

В этом костюме важный судья походил на актера жанрового театра, получившего главную роль.

В его манерах, в его речи тоже произошла разительная перемена.

– Прошу пожаловать в мое скромное жилище, мадемуазель! – приветствовал он гостью. – Я очень счастлив, что случай позволил мне принять вас. Позвольте для начала нашего знакомства предложить вам эту розу из моего сада, или из вашего, если вы не изменили намерения нанять эту дачу.

– Конечно, не изменила, но скидка...

– Я советовался с управляющим, и нашел возможным, снизить цену... Во всяком случае, мы сойдемся в цене, милая барышня!

– Зачем вы зовете меня барышней? Разве я похожа на девушку?

– По вашей грации, свежести...

– А вы меня узнали? Ну, скажите же, кто я?

– Вы артистка, которой я очень бурно аплодировал в театре Варьете.

– Как! Вы посещаете в театр Варьете?

– Почему бы не посещать? Я должен быть серьезен и важен в палате и у себя дома, в присутствии секретаря, который меня видит и слушает, но потом...

– Нечего сказать! Хороши вы в своем кабинете! Какая у вас черствая, сухая физиономия!

– А вы предпочитаете мою сегодняшнюю физиономию?

– Я думаю! Вы помолодели лет на двадцать.

– Позвольте поблагодарить вас за этот комплимент, – ответил он, пытаясь взять ее за руку.

Леа сделала шаг назад и сказала:

– Извините! Я должна привыкнуть к вашему новому обращению. Имейте в виду, что перед вами пока не актриса Леа из театра Варьете, а очень серьезная женщина, приехавшая обговорить условия, касательно аренды дачи.

– Вы не только хорошенькая, но и оригиналка, – весело заметил председатель. Мне так и сказали.

– Как, вы получили небольшую информацию обо мне?

– Уже давно.

– Определенно, для сурового судьи, вы очень суровый судья!

И она громко рассмеялась, откинувшись на спинку стула, так, чтобы был виден глубокий вырез на платье.

Председатель не смог больше сдерживаться. Он вдруг протянул обе руки, чтобы обнять молодую девушку за талию, но она ловко выскользнула и сбежала с балкона, на котором они разговаривали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.